

Аслан ЖАКСЫЛЫКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Роман

Продолжение. Начало в № 12, 2023, № 1, 2024

Поход барлуги

Походное снаряжение барлуги – это ранец из ремней и кожаных чехлов, в которых хранятся запас стрел, экзоскелет, разобранный лук, нож, баклажка для воды, несколько кремней. Всё это должно весить не больше трех килограммов, и это потому, что барлуга большую часть пути пробегает. Ранец вешается на спину, он прочно держится благодаря опоясывающим ремням. Во время бега ранец с чехлами не должен ни стучать по спине, ни натирать ее, – снаряжение давно проверено в прежних походах, ничего лишнего в нем нет. Барлуга не берет с собой запас еды, он добывает ее во время похода. Поэтому разведчик – обычно мастер по стрельбе из лука или метанию ножа по цели или искусному применению пращи. Поскольку степь кишела всевозможной дичью, мысль о пропитании тебя не беспокоила.

За воротами послышался топот копыт. Кто-то спрыгнул с седла и постучал сильной рукой в ворота. Тайбала, успокоив взглядом встревоженную Зию, направился к воротам. Пригибая голову, во двор вошел высокий знатный воин в походном облачении. На нем были шлем и кожаный панцирь со знаками воинского отличия. Генерал? Тайбала сделал шаг назад, сложил ладони и склонил голову. Генерал дружески улыбнулся ему. Боря? Тайбала шагнул к другу, все же не смея обнять его, и пожал руку. Боря положил ему руку на плечо и тепло глянул в глаза, он раньше так делал, пока не стал генералом. Что это с ним? Они прошли в дом. Зия принялась хлопотать, накрывая на стол. Свита генерала осталась ждать на улице.

– Ты, наверное, уже знаешь, что отдан приказ барлугам и моему корпусу выступать в поход? – спросил Боря, оглядывая жилище Тайбалы.

– Догадываюсь, – коротко ответил Тайбала.

– Ты должен опережать корпус на расстояние трехдневного перехода, – помолчав, сказал Боря. Жилье Тайбалы, видимо, ему нравилось. Тем не менее, он чутко к чему-то прислушивался, как бы настраивая слух. Это была его давняя привычка военного. Боря никому и ничему на свете не доверял, даже Апке. Таким был он и много лет назад в Зоне. И это не раз спасало жизнь ребятам.

– Что ты думаешь о Джурухе? Зардар считает его выскочкой и дерзким забиякой, – испытующе глянул Боря на Тайбалу.

– Такого воителя степь просто не знала, – серьезно сказал Тайбала. – Мне кажется, Джуруха – дух войны.

– Даже так? – глаза Бори невольно похолодели.

– О нем много говорят. Я встречался с борисарами, которые видели его в деле. Они утверждают, что стрелы отклоняются от него, а мечи ломаются о его тело.

– Ага, вот в чем дело. На нем особенный панцирь, – сделал вывод Боря. И Тайбала поразился простоте и точности его мышления. И почему это ему самому не пришло в голову?

– Как он воюет? – вновь спросил Боря.

– Джуруха никогда не вводит все войска в бой. У него всегда есть резервы. Даже в самых крупных сражениях более половины войска держит в резерве. Его армии наступают несколькими корпусами в разных направлениях, осуществляя глубокий охват противника. Несколько дней или даже недель бои ведут только отряды легкой конницы – джасаки. Это разведка на изучение сил и тактики противника. В это время основные армии осуществляют окружение врага по нескольким фронтам и начинают разгром.

– Ого! – сказал Боря, опять прислушиваясь к чему-то за стенами дома. – Это большой полководец. Чтобы так двигать войска, нужно иметь постоянную и быструю связь, оперативно управлять частями и хорошо знать дороги, рельеф местности, а также силы противника. Как это ему удается?

– Ему помогает советник Сай Чуй, он передал Джурухе военный опыт Желтой империи. Вся степь наводнена агентами Сай Чуя, это пастухи, купцы, дервиши, юродивые, бегуны. Говорят, Джуруха угадывает каждый шаг вождей и военачальников противника, предчувствует ход их мыслей. Особая выдумка Сай Чуя – использование для связи почтовых птиц – голубей и борзых псов.

– Голубей – это понятно, но каких борзых? – поднял брови Боря.

– Азы – это древняя порода гончих псов. Аз – это очень высокая, голенастая, легкая в костях собака. За день она может пробежать до двухсот километров, она так быстра и неутомима, что бесполезно преследовать ее даже на лошадях. Секрет прост – собаку воспитывают два человека. Затем, когда пес натаскан, один из хозяев удаляется на большое расстояние. Первому тренеру остается только показать направление движения – собака срывается в бег и находит ушедшего, как бы далеко он ни был. В трудных случаях для связи используют таких псов: они носятся от отряда к отряду, доставляя зашифрованные послания. Кроме того, для оперативной связи используются сигнальные зеркала, огни. Посты обычно расположены на холмах, скалах.

– Почти так же, как у нас. Всё же, наверное, у Джурухи есть кое-какие секреты, – покачал головой Боря. – Сдается мне, что ввязываемся мы в большую заваруху. Всё же он человек железного века, а мы из другой эпохи. Мы знаем историю почти всех войн на Земле. Мы опережаем кургуров и утургуров в мышлении и знаниях. Мы должны переиграть его.

– Нельзя было трогать их родовую усыпальницу! – резко сказал Тайбала. – Мы дали им повод для священной войны. Мечь почиталась во все времена, и для нее все средства хороши.

– Капитан тогда сжег мосты назад... А за царскую усыпальницу придется ответить всем, – приглушенным голосом сказал Боря, оглядываясь на дверь. – Всё же мы должны ухитриться выжить. Эх, если бы с нами был Странник...

Боря и Тайбала грустно опустили головы. Зия, скользя как тень, внесла чай и угощения.

Уходя, Боря сказал Тайбале:

– В твоём доме есть пустота. Я чувствую ее. Ты, наверное, сам знаешь.

– А ты сам готов отдать жизнь за эту страну? – в свою очередь спросил Тайбала.

– Вот оно что... – сказал Боря. – Дело не в этом. Мы могли бы уйти, оставив всё. Но только не Апке. Она крепко увязла в этом. Ведь этот город, страна – дело ее рук, ее творение. Она слишком глубоко пустила корни, а мы не можем уйти без нее, никто из нас, особенно ты. Не правда ли?

Тайбала опустил голову. Помолчав, он сказал:

– Никак не могу отделаться от ощущения, что Джуруха рядом. Надо встретиться с Малышом утенком. Порой мне кажется, что я крепко заснул, вижу долгий сон и никак не могу вырваться из его оков.

Зия проводила Тайбалу за стены города. Далеко за воротами они остановились. Внезапно Зия опустилась на колени, прижала обе руки к груди и склонила голову. Тайбала почувствовал, что у него перехватило дыхание. Так прощаются жены кургуров с мужьями, уходящими в дальний поход. Это был большой жест с ее стороны, и на него надо ответить. Они были одни, и только синее небо было свидетелем происходящему. Посвистывал прохладный ветер, молодая трава источала терпкий аромат. Тайбала сел на колени, положил руки на бедра, затем глянул на Зию. Так прощаются с женами мужчины кургуров, уходя надолго. Они смотрели друг другу в глаза, и Тайбала почувствовал головокружение. Бездонная ночь полыхала в иссиня-черных глазах Зии, и это была искрящаяся нежность, а также безмолвная клятва.

Десятки мастеров укрепляли створы огромных ворот въезда в кратер листами кованого железа. Пройдя и эти ворота, отойдя подальше в степь, Тайбала снял ранец и вытащил из чехла экзоскелет. Это изделие – чудо нанотехнологии – было изготовлено некогда в лабораториях кибербашни. Только дальний разведчик империи имел такое устройство, позволяющее бегать в два или три раза быстрее обычного человека. Подошвы страусовых ног были отлиты из особого полиуретана, прослоенного многомерными углеродистыми волокнами. Устройство имело такой же изгиб и обратное колено, как у реальной страусовой ноги. Углеродистые волокна, утопленные в подошве, переплетенные в подъеме, служили внутренним скелетом ноги. Роль мышц выполняли сотни тонких пластин из суперстали, они были прошиты пружинами из той же стали и сращены с углеродистым скелетом. Легкий экзоскелет был рассчитан на десятки тысяч часов непрерывной работы. В середине устройства, выше коленного изгиба, устроены опоры для подошв бегуна, изделие надевалось на ноги прочными пластиковыми обхватами и скреплялось хомутами. Специальные датчики питались естественным биополем человека. Эти датчики синхронизировали работу волокон и пластин страусовой ноги с работой мышц человека и сердцебиением. Это изделие было получено специалистами кибербашни в результате расшифровки некоторых кодов из книг Малыша утенка. По техническому уровню оно опережало время своего появления и потребовало от инженеров безмерных усилий.

Красной охрой нанес Тайбала на лицо татуировку борисаров, надел ранец, рывком оттолкнулся от земли и, подброшенный мощью стальных пружин, кинулся в бег крупными летучими прыжками, ускоряя ход. С башен крепостных ворот слышались крики. Караульные в испуге показывали руками на летящую в степи фигуру. Человек, прошедший через ворота, с виду обычный странник, сидел на бугорке, возился с вещами. Но вдруг он подскочил, побежал... И, о чудо! Глазам солдат предстала пугающая картина: мифический бегун-крылан мчался прочь, с невиданной скоростью удаляясь от стен. Пыль клубилась за ним, вытягиваясь в длинный шлейф.

Бескрайняя степь нежилась, потягивалась под пеленой свежего весеннего ветерка, она хотела улыбаться, утопать в мареве и плыть в волнах синевы. Но ветер времени уже нёс грозовые молнии неслыханных перемен, за горизонтом тучами назревали, копились события, несущие холод и грозу. Поэтому Тайбала как мистический бегун кургуров должен был нестись в клубах

пыли, в вихрях смерча, обгоняя молву и слухи, навевая на встречных путников оторопь, а то и ужас. И не удивительно – ведь человек не может бежать с такой скоростью, опережая самых быстрых скакунов. Земля за горизонтом дрожит, рушится в пыль и прах от топота сотен тысяч боевых коней, курени борисаров уже объяты дымом, поэтому Тайбала летит, мчится, стальные мускулы страусовой ноги бросают в прыжки, каждый из которых до четырех или пяти метров. Шепот камня звучал в ушах, сочился прямо в душу, поэтому Тайбала несся к горизонту, вспоминая бег, растворяясь сознанием в тенях прошлого. Чудится ему, что с тех пор, как он еще в Зоне осознал себя человеком-оленом, вот уже столько лет он всё время куда-то бежит. Когда человек-олень бежит, несется летучими прыжками, взмывая над землей, пространство любит его, оно смеется, хохочет солнцем, всполохами врывается в душу и кувыркается там кузнечиками, бабочками-махаонами кружится и лопочет, лепечет. Коке, земля и небо любят человека-жеребенка, Тайбалу окаянного. Они ждут, томятся, осыпаются дождями и снегом, городами и годами, крошечным испепеленного сердца. Но когда видят, как человек-олень выходит на простор, разбегается, взмывает и несется, мерно подбрасываемый лопочущей землей, солнце взрывается хохотом, оно кувыркается малышом луговым и врывается прямо в сердце, рассыпая всполохи и эхо чудного смеха. Коке, ты видишь? Но коке не видел, он давно истлел в тенетах своей скорби, одиночества безмерного, жгучего, словно соль всех солончаков мира, не только локи этой, поруганной и брошенной на съедение генералам-муравьям, бульдогам окаянным, мечтающим заполучить в клешни код абсолютного оружия. Шепот камня громом гремит в ушах, поэтому Тайбала вихрем несется по саванне, мерно дышит, вспоминая транс древних забегов, полет лунгпо, восторг танцующих дервишей, прислушивается к шелесту, току охлаждающей силы, льющейся от подошв к икрам, бедрам, животу, к сердцу и легким. Коке, человек – это древо наоборот, разве не видишь? А ночь разве не обратное солнце, вращающее прошлое? Коке, где ты? До первых куреней борисаров пять дней бега с утра до вечера. Топот боевых коней кургуров и утургуров бьет гулом, отдается в душе каждого борисара и считает мгновения брэнного бытия, призывает обратиться в истинную веру, ибо явился уже Джуруха, воитель беспримерный, великан в латах, ломающих стрелы и лезвия булатных мечей. Пять дней темного полета-транса до первых куреней борисаров, приговоренных к скорому выбору или к смерти. А сзади, со склонов кратера, словно дымящихся пылью и прахом, пеплом, разворачивается конница Бори. Она бряцает оружием, строится в ряды, звенит сбруями, томится ожиданием, желанием сорваться в галоп, в намет набега губительного, когда степь кромсает барабанный бой тысяч копыт, а визг атакующих, вой уstraшенных и ржание коней сливаются в жгучем вихре смертельного транса.

Пять дней бега до куреней борисаров, объятых дымом и пылью, пылающих огнем тревоги. Далеко позади мерно грохочут копытами тумены Бори и Кабанбая, выстраиваясь в походные порядки. Степь от края до края заволочена сизо-черными тучами грозových перемен, солнце кажется любопытным мальчишкой, со всех ног бегущим вдаль, чтобы увидеть ристалище невиданных схваток. Час за часом пролетают в ускоряющемся беге Тайбалы. Тело вспомнило всё, что нужно для мощного и неутомимого бега, вдохи и выдохи, концентрацию, мерное чтение слов, которые нужно произносить в ритм. Когда всё это есть, опьяненный разум Тайбалы будто отрешается от самого бега, становится бессознательностью, словно бы самим движением, бесстрастно созерцающим происходящее. Да, именно так! Сущность бега – это странный

жар, помутнение. Этот транс берет на себя всё, отключая сознание, а самое главное – размывая время. В этой горячке, темном состоянии, можно пробежать много часов, ускоряясь на спусках, взмывая на подъемах, как во сне пролетая над кочками и ямами. Однако бывает и так, что сознание внезапно обостряется, возвращая себе ориентир и видение. И это случается в минуты опасности. И тогда Тайбала на бегу принимает решение, размышляя как опытный воин, не раз бывавший в переделках.

Обычно туземцы не решаются напасть на бегуна, помня, что посланника хранит воля небесного Тангары. Чего не скажешь о волках или шакалах, диких собаках. Фигура одинокого человека, опрометью несущегося по степи, только подстегивает инстинкт хищников, если же они голодны, ничто не может удержать их от преследования бегущего. В последние годы в саванне появились отвратительные твари – полосатые гиенодоны, каким-то образом перебравшиеся через реку. Эти крупные и ненасытные звери стали сущим бедствием для людей и их скота. В облавной охоте на гиенодонов нередко участвуют тысячи людей. Туземцы называли этих зверей старым словом кыргий. Несмотря на усилия по истреблению хищников, они не исчезли, выжили, прячась в глубоких оврагах, расщелинах среди скал. Нет-нет да приходится Тайбале stalkиваться с этими тварями, которые устремляются в погоню, завидев его.

Среди высоких тростниковых зарослей зулоньей травы бежал Тайбала, лавируя меж кустов. Караванная тропа вилась, петляла из стороны в сторону. Здесь надо быть особенно бдительным: из тростников внезапным прыжком мог обрушиться остервенелый джубарс или вылететь наперерез стремительный джупард. От джупарда не убежать, настолько быстр этот зверь. Надо заметить его нападение и рвануться навстречу. Только яростная супротивная атака может остановить зверя. Точно так нужно действовать при атаке джубарса, и даже этот мощный враг, оцетинившийся когтями и острыми зубами, отступает при ответном броске, видя, что напал не на жирного дзайрана или молодого буйвола, а на бесстрашного бойца – человека.

Бескрайние заросли тростника, простирающиеся до самого горизонта, до темных гребней скал, – пастбища для табунов тарпанов, всевозможных дзайранов, джунагров, куланов, зулонов, одновременно это охотничьи угодья умелых хищников, среди которых самый свирепый и скрытный – джугур. Однако Тайбала не может остановиться. Его обостренный слух и натренированное зрение подмечают любое движение на расстоянии в несколько сот метров. Если атака врага будет решительной, он успеет остановиться, отстегнуть экзоскелет, расправить поясной ремень, используемый в качестве пращи. Это самое простое оружие. Лишь бы под ногами были камни. Так было не раз. Не каждый воин мог быть посланником-бегуном, а только опытный следопыт и солдат с храбрым сердцем.

Великая саванна – кормилица несметного множества животных, в том числе и людских кочевий с многочисленным скотом. Обширная равнина, избороденная небольшими реками и балками, всхолмленная косогородами, живописно украшенная там и сям кустарником и рощами акации, залита ясным, зелено-золотым светом. Она тоже пережила джугарную атаку и необратимо изменилась. На ее просторах появились невиданные твари и необычные травоядные животные. Мирная степь превратилась в природную силу, жестокую, своенравную, с опасным нравом, но она по-прежнему остается изобильной кормилицей, поэтому люди не покидают ее. Они привыкли к новому характеру матери-саванны.

Нужно добежать до рощи, что показалась темно-зеленой тучей впереди, там протекает речка. До нее осталось несколько верст. На берегу протока можно остановиться на отдых. Эта дорога изучена Тайбалой в прошлых походах. Судя по всему, он уже оставил позади не менее двухсот километров. Вихрем летит Тайбала по саванне, весь погруженный в темное опьянение неутомимого бега. Закинув длинные винтовые рога на спину, мчатся впереди дзайраны – любимцы богини Майи. Грациозен их бег: стреляя по сторонам смоляными брызгами шальных взглядов, взмывают они в высоких прыжках, и на мгновение душа лани проявляется в самозабвении – пластается желтой стрелой тело, голова запрокинута назад, тонкие ноги тянутся к горизонтам. Разве не пылает крылатая сущность в огне мгновения? Одна за другой взлетают антилопы. Тайбала восхищен: «Ах, если бы дано было мне так: отринув страхи, взлететь вверх и разлиться, раствориться в полете!»

Не знает никто, почему олени и дзайраны, тарпаны и куланы тоже срываются в дружный бег, когда по саванне летит-несется Тайбала. Но так бывает всегда. И кажется тогда барлуге, что вся степь с ее быстрыми тварями, и само время в том числе, приходит в движение, чтобы ускорилось бытие на матушке-земле, чтобы в сонме существ совместно мчаться к заветному сроку, дабы услышать весть. Но ведь бывает, что Тайбала теряет чувство пространства и забегает неведомо куда. И это так чудно! Как это объяснить? Вот и сейчас, когда бег пульсирует мускулами экзоскелета, когда земля задыхается, бьется в ногах перепелкой Бодоне, трепыхается птицей, нечаянно пронзенной стрелой мгновения, мнится ему шепот камня. Когда шепот праха и пепла пронзает душу Тайбалы, чудится ему странное: будто некий Жан бежит по степи, топчет очумело, пьяно по пыли жаркентской дороги и бормочет, твердит молитву: «Дуйсен-баксы, где ты?» Когда шепот песка и камня свистит и клокочет, ревет неясью, реет, бьется в теснинах горловой песней древней, мнится ему, будто некий пастушок-лунатик призраком пронзает джугарное поле ночное, рвется через чащи, убегает от баксы, задыхается и кричит в маете несметных снов: «Коке, где ты? О, дом мой, заблудший, собачонка моя, где вы?» Найдется ли душа такая, что объяснила бы доходчиво сны эти, чудные видения, залетающие в душу пепельными мотыльками и мечущиеся там до утра? Кто объяснит нам, возвращаемся ли мы в явь, приходя в себя утром, или проваливаемся в новую муть, такую же мимолетную и смутную, как миновавший сон? Коке, возможно ль остановиться на этом поле, летящем сквозь ворохи вселенных, осыпающихся в омуте черном – в бездне провальной, в водовороте безвременья?

Нет ответа на это ни на земле, ни на небесах. Но только хищники саванны – твари ненасытные спешат с жестокой вестью, неся смерть в зубах, будто желая сказать, что одна только верная кончина в их утробах есть ответ на бесполезные вопросы. Жуткое уханье, истощный визг и горловое клочкотание проклятой стаи гиенодонов, с прошлого лета ждущей барлугу, чтобы поквитаться с ним за последний разгром – единственная подсказка в этом хаосе.

Тайбала пришел в себя, оглянулся – так оно и есть. На расстоянии пятисот метров за ним вереницей бежали крупные темно-полосатые звери. Характерный скок, неуклюже подкидываемые зады с поджатыми хвостами выдавали силуэты знакомых животных. Эти звери не мастаки быстрого бега, однако они необычайно выносливы и могут преследовать свою добычу день, два, даже три. При этом они будут бежать так же неторопливо, даже как-то нескладно, ударяя по земле крупными лапами, вихляя низкими задами, ко-

ротко и жутко подвывая друг другу. Есть безжалостный расчет в такой погоне и скрытое умение: даже несколько часов такого преследования с воем и злорадным визгом, клокотанием в горле приводят к тому, что у жертвы, пусть даже это сильный олень, начинают дрожать и подгибаться ноги. Туман гибельного изнеможения прокрадывается в душу и начинает жечь легкие, осыпая пеплом волю убегающего. Тайбала знает это и поэтому не позволит загнать себя до такого состояния. Он не олень, а воин, и знает, что делать ему. Нужно только добежать до реки, до берега, где есть крупная галька. А там он даст бой этим тварям. Главное, чтобы не выскочил наперерез из кустов густого тростника какой-нибудь джупард или джубарс и не спутал ему карты. Лишь бы добраться до крупной увесистой гальки – снарядов для верной пращи, и тогда всё пойдет по-другому.

Прошло еще полчаса, и роща развернулась навстречу толпой кружевных деревьев с раскидистыми и изящно причесанными кронами. Работа жирафов долгошеих – любовно языками своими длинными, трепетными, трогательными прибирать, причесывать кроны девам-акациям, деревьям прихотливым. А рядом с рощей чуть левее возвышается джубаб полусухой, с простертыми голыми ветвями. Тайбала знает, что у джубаба ствол – не обхватить руками и десятку мужчин. Речка обтекает подножие этого толстеного дерева, там у корней великана должна быть нужная ему галька. У речки Тайбала замедлил бег, на ходу снимая ремень с расширением в середине из шероховатой сафьяновой кожи. Подняв веер брызг, распугав стайку рыб, пересек поток и поднялся по берегу к джубабу. Там присел на пригорке, расстегнул экзоскелет, повесил ранец на корявый сучок и кинулся обратно к реке собирать камни. Да, так оно и есть. Здесь повсюду валялись окатыши, крупные, с кулак величиной и с куриное яйцо. У ствола джубаба, собрав окатыши, Тайбала занял позицию. Спину прикрывало дерево. А впереди метров на двести простиралось открытое пространство.

Заливаясь дьявольским хохотом и визгом, истошно взывая с низких, утробно рыкающих тонов, на берег выбежала стая. Их было десять – тварей страшных, отродий настолько мерзкого вида, что мороз шел по коже. Десять зверюг, каждая из которых раза в два больше обычной гиены. Бульдосья угловатая морда оскалена рядами острейших зубов, среди которых мечется черный, змееподобный язык. Грудь у зверя необычайно мощная, бугристая, сплошь в мускулах, она сразу переходит в короткую и толстую шею. Передние ноги обычно длиннее задних, от этого у зверя такой неуклюжий, ныряющий скок. Однако, когда хищник хватается бегущую добычу за сухожилия или ляжку и тормозит, приседая на задние лапы, волочась по земле, – у жертвы не остается никакого шанса на спасение. У этих зверей отвратительный нрав: они принимаются поедать добычу, пока она живая. Другие же хищники, прежде чем начать есть, убивают свою жертву. Словом, не придумать более гнусной твари.

Звери были несколько растеряны. Они не ожидали так скоро увидеть двуногого беглеца, спокойно ждущего их на берегу. Олень так себя не ведет. Он бежит из последних сил до изнеможения, до дрожи в подгибающихся ногах. И когда, схватив за бок, валят его на землю, бьет он истоиво копытами, угасая в горячем тумане, грезя, что всё еще мчится прыжками, уносясь от врагов. Двуногий же невозмутимо стоял на пологом берегу и, помахивая чем-то, примерялся. Хищники метались по берегу, не решаясь вступить в поток. Они боялись быстрой воды. Но когда речь идет о добыче, голодный зверь забывает обо всем. Стая же была голодна. И ты знал, что звери войдут в воду. Но в

потоке они будут идти медленно, оглядываясь друг на друга и перекликаясь визгом и воем. Вожак стаи – матерая бурая самка. Она впереди остальных зверей. Гиенодона не сразить пращей, если только не попадешь снарядом в нос или в раскрытую пасть. Тело же хищника, защищенное толстой шкурой и слоями мускулов, выдержит любой удар камнем.

Самка вошла в воду и, задирая морду, принохиваясь, побрела через поток. Хорошо были видны черные ноздри зверюги, выбеленные пеной, источающие слюни. До цели метров пятьдесят. Праща же бьет на все сто. Этот момент нельзя упустить. В стрельбе из пращи ты тренировался постоянно. Но ведь и ситуация была смертельно опасной. Пальцы мелко дрожали. Медлить было нельзя. Ты положил окатыш в расширение пращи, чуть пригнулся, раскручивая ремень, и со всей силы метнул камень. А затем увидел, как массивная, похожая на булыгу, голова зверя словно взорвалась кровью и клочьями мяса. Пущенный с огромной силой камень влетел в оскаленную пасть хищника. Стая же ничего не поняла... Вожак вдруг завалился на бок, потом нырнул в воду, и поток, качая, понес темно-полосатое тело по течению.

Или самка хочет зайти двуногому в тыл? И точно так же, принохиваясь к запахам, задирая нос, двинулась через поток вторая самка. Глухо простонала праща, и второй снаряд полетел через поток. Поплыло в волнах очередное обгаренное тело. На этот раз до животных кое-что дошло. Перед ними был не олень и отнюдь не добыча, а такой же зверь, как они сами, но только необычный. Его действия не укладывались в сознании нападающих. Хищник – это соперник на угодьях. Следовательно, его нужно прогнать. Стая оценивала обстановку, приглядываясь, примеряясь. Если бы этот двуногий побежал прочь, спасаясь бегством, всё было бы понятно. Но он не убегает от них. Более того, от него веет какой-то непонятной угрозой. Что это за угроза? Еще один снаряд мелькнул в воздухе, и теперь уже самец, стоявший у самой воды, вдруг рухнул на землю и забил лапами, мотая пробитой головой.

Самообладание вернулось к тебе. Руки вспомнили уроки стрельбы из пращи. Тело знало, как ему действовать. Стая отступила к зарослям. Надо как следует проучить ее. Ведь еще не раз придется пользоваться этой тропой. Поэтому стая должна хорошо запомнить, на кого не следует нападать. Ты вытащил нож из чехла, это был стальной кинжал, очень прочный и обоюдоострый. На берегу там и сям лежали сухие палки, ветки, коряги, занесенные на берег потоком. Выбрав прямую жердь без трещин, приладил к концу рукоять ножа и тщательно обмотал бечевой. Проверил надежность крепления клинка, на всякий случай сделал вторую обмотку сыромятной бечевой и крепко затянул узлы. Копье было готово. И тогда ты двинулся через поток, держа оружие наперевес. Стая же металась среди тростника, яростно рыча и тут же заливаясь душераздирающим визгом. Гиенодоны не привыкли отступать, они обращались в бегство только при появлении свирепого джугура. А сейчас на них шло двуногое существо, выставив вперед длинный сверкающий клык. Стая еще надеялась повернуть ход событий в свою пользу. Поэтому, зло ощерившись, вперед бросился темно-бурый, кургузый самец. Но двуногий шел спокойно, глядя прямо в глаза нападающему. А когда до него остался один прыжок, он поднял свое оружие и резко кинул вперед. И небо обрушилось на поверженного зверя, земля накинута, опрокинула его вниз и принялась жадно пить-глотать кровь из пробитой груди.

Свалив бурого самца, Тайбала вытащил из кармана камень, заложил в пращу и взмахнул ею. Еще один зверь забился среди кустов, мотая разбитой головой и судорожно суча лапами. Стая кинулась прочь от этого ужасного ме-

ста, подальше от страшного двуногого. Нет, не хищника, а Ие. Это сам Ие обрушился на стаю с казнью, верша разгром. Гиенодоны бежали что есть мочи, но и Тайбала ведь был великим бегуном! Он догонял врагов среди зарослей тростника, мчался по звериным тропам, нацеливая копье на темный хребет убегающего зверя. Ты действовал расчетливо и холодно: разгром должен быть жестоким и окончательным. Достаточно, если от стаи останутся две-три особи. Сюда на берег реки они уже никогда не вернуться и преследовать бегуна не решатся. Так будет лучше для всех мирных обитателей саванны.

Через час со стаей было покончено. Ты вернулся на берег реки, к подножью джубаба. Вымыл нож и положил в чехол. Надел ранец, экзоскелет, посидел на пригорке, раздумывая. Здесь останавливаться на ночь нельзя. Ушлые стервятники – грифы уже кружат над берегом. Они слетаются ото всюду, давая знать всем хищникам саванны, что здесь есть чем поживиться. Первыми сбегутся шакалы, потом дикие собаки, шумная свалка и свара может привлечь внимание бродячих джубарсов. Всю ночь над этим краем будет стоять лай, визг зверей, терзающих трупы. И, быть может, этим пиром заинтересуется джугур. А с ним лучше в одиночку не встречаться.

Ты мчался по саванне, прохладный ветерок обдувал разгоряченное лицо. На душе было смутно. Лучше бы гиенодоны не попадались на твоем пути. Нет ничего хорошего в уничтожении целой стаи, но ведь тебе не давали покоя. Они гнали бы тебя день, другой, всё время злобно воя и рыча за спиной. Если не отбиться от преследователей до ночи, то во тьме всё может сложиться не в твою пользу. Во мраке не прицелиться ни из пращи, ни из лука.

Кажется, степь не обижалась на тебя за разгром злобных тварей, ворвавшихся в ее мир из архаического прошлого. Эти тростники и рощи, округлые холмы и ниспадающие лощины, затейливые реки и коричневые скалы у самого горизонта, тучные луга, льющиеся изумрудно-золотым потоком, хотели одного: наслаждаться жизнью, упиваться солнечным светом, небесной рекой, омывающей каждое растение, каждое животное до глубины естества, до недр клеток. Саванна хотела играть с тобой то ли в казаки-разбойники, то ли в догонялки. Вдруг ты увидел слева в тростниках группу гигантских дроф. Голенастые, длинноногие птицы были ростом со страуса. Дрофы бежали, как бы приноровляясь к твоей скорости, но потом, распушив крылья, они обогнали тебя и понеслись вперед по караванной дороге. Уж не балет ли это? Огромные птицы мчались грациозными, легкими прыжками, слегка покачивая торсами, помогая себе крыльями. На полной скорости они самозабвенно мотали головами, словно наслаждаясь этим состязанием. Ты не хотел отставать от них, какая-то неизъяснимая сила ожила в тебе, и твой бег стал окрыленным, мощным. Ей-богу, ты мог запросто обогнать этих созданий и долго бежать рядом с ними. Но тебе хотелось любоваться силой и красотой больших степных птиц в минуты освобождения их сущности. Поэтому ты несколько отстал от дроф, но ненамного. Ты улыбался. Да, это было счастье! Твоя стихия именно в этом – ты должен знать, что ты сын просторов, создан для бега по долинам. Город с нагромождением стен, заборов и домов – для тебя тюрьма. Живя в городе, человек не может не творить насилие. Не мудри – живи по природе своей сущности!

Вскоре ты уже приноровился к ритму бега дроф, экзоскелет давал возможность совершать такие же легкие и большие прыжки, как у птиц, и хотя у тебя не было крыльев, которые, работая как паруса, помогали бы бежать быстрее, в тебе разгоралась неумемная сила. В опьянении азарта ты мог бе-

жать, периодически ускоряясь, порой как бы взлетая на ходу, и так много часов подряд. Ах, жизнь! Воистину, творец знал, для чего создал то, что создал, сказав в душевном порыве: «Да будет так!» Внезапно тебе почудилось, что это не дрофы бегут с тобой наперегонки, а толпы кукурузных мальчишек и девчонок, мотая вихрами и рыжими челками, несутся опрометью в просторы. А сзади, за спиной, растет из волчьей шкуры, восстает, сияя солнцем, ослепительная женщина-волчица. Наваждение было столь сильно, что ты даже оглянулся назад. Однако женщины-луны не было видно, и никто не лежал на берегу сухого озера, слясь оторвать голову от мерзлого песка. Всё это только пригрезилось тебе. Ты неведомо как уснул на бегу и оказался в прошлом. Но в каком прошлом и в чьем? Неукротимая сила горит в бедрах, икрах и голенях, толчок – и ты взлетаешь, паришь невесомо, прыжок переносит тебя в другой мир, в иное время! И не так уж важно, кто летит-несется сейчас по гулкой тропе, то ли Тайбала, то ли бегун-кургур, то ли стая дроф, ведь мысль отягощена словами, а транс огненного бега есть всё. Шар уже не шептал призрачно, а изрядно клокотал и закручивал рулады горлового пения, улыбался и щурился, подмигивал глазами, надувал необъятные щеки. Вот-вот понесется он в припляс за дрофами и Тайбалой, притоптывая и громохвая гранитными ножищами и прищелкивая пальцами. Тропа танцевала, крутилась, извивалась.

Ты пришел в себя. Дроф уже не было. Гребя крыльями в синеве, они летели вдали над горизонтом. Дело шло к вечеру. В стороне от дороги темнел одинокий джубаб. Это место ты помнил. Ведь барлуга должен знать все места стоянок и отдыха по пути. До этого места обычно ты добирался в конце второго дня пути. А ты добежал за один день. Ай да дрофы, что за чудо!

Уже в сумерках удалось подстрелить зайца. Разжег огонь и на углях поджарил тушку. Мясо было необыкновенно вкусным. Вода из фляжки показалась чудесной. И уже в потемках, цепляясь за сучки, полез наверх. На высоте пяти метров ствол джубаба разветвлялся, одна ветвь, толстенная, в два обхвата, простиралась почти горизонтально в сторону. На ее поверхности имелась трухлявая глубокая впадина в объем человеческого тела. Эта ложбина была словно для тебя придумана. В этой небесной ладье тебе уже не раз приходилось отдыхать. Джубаб был далеко от рощ и скал, поэтому не обжит ни джубезьянами, ни другими древолазами. Здесь можно было спокойно спать-дремать до самого утра.

Небо занемогло ностальгией. А ночью заморосил дождь. Ты с головой закутался в непромокаемую накидку. Ветер двигал всё небо, осыпал времена и звезды. В смуте сна казалось, что ты опять едешь на джунагре, и что путешествие длится много месяцев. В томлении мнилось, что джунагр-великан переваливается, шагает куда-то, древесная маета шатает-уносит тебя на северо-восток. Небо бредило звездами, древними, несметными. Они тоже искали свою родину, Эдем незабвенный. Они летели через пучину, бездонную и безмерную тьму, холодную, как воля тирана. Они не помнили своего начала и не знали своего конца. Их вечный удел – движение, пока не случится встреча с воронкой черной дыры. Когда Тайбала был мальцом, глядя на небо в окно барака, он думал, что звезды – это золотые гвозди, прибитые кем-то очень высоко. Потом учитель объяснил, что каждая звезда – это мир, планета в миллионы раз больше, чем Земля. Тайбала изумился этому открытию. Ум впервые соприкоснулся с чем-то непостижимым. Служа разведчиком для империи, много часов проводя в сети Интернета, он открыл для себя многое. В том числе и о звездах. И сознание заплутало в бездонности мироздания.

Ты смотрел на звезды, сон осыпал твою душу сквозь ветви и листья джу-баба, а косматый джунагр, упорно думая свою думу, мчался по старой дороге на восток. Нужно было добраться до Зоны. Но ведь с тех пор, как вы покинули Зону, прошло больше двадцати лет. Двадцать пять лет джугарного времени – эта уйма смутных лет, ушедших в дебри забытого. Когда уходили с территории Зоны, вы, Боря, Тайбала, Кабанбай, были уже юношами. Малыш утенок, Коян и Уку филин были еще незрелыми детьми. Дорога помнилась смутно, в памяти сохранились заросшие колеи среди холмов, скалистых отрогов, потом поля и сухие равнины тянулись, как годы. Вы были голодны, шли кое-как, и если бы не Странник, который умел находить овощи на убранных огородах, подстреливать дичь на полях, вы наверняка пропали бы. Потом неожиданно оказались на полотне асфальтовой дороги, брели из последних сил, день за днем тащились по обочинам. Автобусы, грузовики не останавливались, они мчались мимо, водители не хотели брать в машину толпу странных, оборванных бродяг. Удивительно, что вообще дошли до цели. А у самого города на поле сорго произошла последняя битва с крысиной армией.

И эти события все еще жили в памяти. И чем дальше уносил тебя джунагр на восток, тем яснее оживало прошлое, воскресая из подсознания. Впервые ты познал боль ностальгии, щемящую, черной трещиной раскалывающую сердце. Боевой джунагр, глухо постанывая, поревывая, мчал и мчал тебя по заросшей дороге, а твое сердце никак не могло выбраться из паутины печали. Для чего всё было? Родителей вы не знали, помня лишь чьи-то жалкие, ничтожные тени. Старый мугалим был для вас и отцом и матерью, но потом бред желтого стола и несметная стая слов-мотыльков сожрали его. Странник стал вашим наставником. Однако он оказался солдатом и ушлым агентом, он швырнул вас в самую гущу войны всех со всеми. И вот ты, сорокалетний мужчина, дальний барлуга, выполняя чужую волю, возвращаешься на родину. А родина – Зона, закрытая за дебрями лет, заволоченная ржавой колючей проволокой. Она – сплошная тоска. И чем ближе она, тем сильнее эта жгучая и долгая боль. Любил ли ты когда-нибудь те крысиные бараки, волчьи овраги, брошенные бункеры и военные склады, сторожевые вышки, железные туши нефтехранилищ – угрюмый хаос, который сопровождал каждый шаг первых лет твоей жизни? Тогда казалось: ненавидел всей детской душой и мечтал вырваться из Зоны. Все желали этого, один только Кабанбай был против. Но прошло двадцать пять лет, и ты, оставивший позади полжизни, вдруг осознал, что любишь свою родину, как любят иные мать, пусть убогую, жалкую, но всё же мать единственную.

Громадный джунагр-верблюд размашистыми шагами сокращал расстояние, неуклонно приближая тебя к цели. Древнее шоссе, заросшее кустарником, усеянное рытвинами, всё глубже уходящее в поднимающийся лес, всё же угадывалось остатками асфальта. Всё-таки покрытие, изъеденное бактериями и грибами, ноздреватое и испещренное дырами, было надежнее зарослей деревьев и кустарников, которые бесконечно тянулись вдоль бывшего большака. То и дело попадались среди зарослей ржавые остовы автобусов, кранов, самосвалов, легковых автомобилей. Кусты смело пробивались сквозь дырявые и разоренные корпуса мертвых машин. Джунагр – крупнее верблюда, обширная ложбина меж горбами удобна для сидения. Выносливое и мощное животное может идти иноходью или бежать рысью целый день. Ночью, привязанный к дереву, пасется он в бурьяне, и к утру бывает сыт. Вот почему для дальних походов ты выбрал именно джунагра. Шаг животного настолько плавен и размерен, что с его спины Тайбала может стрелять по

дичи. Приходилось отстреливаться и от хищников, то и дело увязывающихся за верблюдом. Хорошо, что колчаны Тайбалы были туго набиты стрелами, и основательно натренирован он был в стрельбе из дальнобойного лука. Обочины оставленной позади дороги во многих местах усеяны трупами убитых волков, гиенодонов, волкопсов. Когда скрылись далеко за горизонтом земли семи рек, населенных кургурами, утургурами, борисарами и кокборе, начались дикие места, забытые всеми. И чем ближе к Зоне, тем мрачнее выглядели пустоши и леса, оставленные людьми.

Джунагр словно взял часть твоей боли на себя. Позевывая пенистой пастью, хрипло ревя, косматый горлопан бежал и бежал, порой переходил на галоп. В затаенной скачке, качая мир, приближал он встречу с родиной, с ее горькими призраками. И тебе, задремавшему, нет-нет да чудилось, что несет и шатает тебя туча, пепельная, разлохмаченная, заряженная болями и горестями века. Не ты движешься сквозь пространство, а города и годы летят сквозь сердце, от всей души, не жалея, ударяя наотмашь.

Выныривая из этого сна, ты находил себя лежащим на развилке гигантского джубаба. Легче от этого не становилось, потому что дерево тоже бежало куда-то во тьму кромешную, выбрасывая корни-ноги, опрометью несясь сквозь сны вселенной, и звезды обуревали его крону, а совы и филины ухали и охали, потому что предвидели неизбежную встречу с запредельной родиной и забытыми призраками предков.

То ли карта зардара, срисованная с дневников Странника, помогла найти Зону, то ли память восстановила в сознании старую дорогу – однажды ты увидел двойной ряд колючей проволоки, и поразился тому, что по-прежнему гудит-воет ветер в железной щетине ограждения, мотается ветхое гнездо Серой кукушки в ржавых витках. А больнее всего кольнула сердце картина: под редкими каплями скупого дождя темнел, клонился щит с тусклой надписью: «Стоять! Опасная зона!» Кого он предупреждал, кого хотел оберечь от невидимой опасности: забытых призраков, неприкаянных духов мертвых? Кургузы, картавые вороны обитали в кронах туманно-серых деревьев. Но и они тоже, казалось, оберегали тяжелую сырую тишину, витающую над пустынной долиной. И мнилось тебе, что не из реальности восстает она, а из прошлого твоих забытых снов.

Тяжело вздыхая, неспешно вышагивал джунагр. Сумрачное безмолвие лесистого урочища удручающе действовало и на него. Высокая, никем не тронутая трава выглядела серой и безжизненной. На ней не было видно ни кузнечиков, ни стрекоз, ни бабочек. Куда подевалась живность? Ты придержал джунагра у склонов холмистой гряды, уходящей на восток в нагромождение скал и гребней. Именно здесь некогда остановился Снежный воин, вырвавшийся из колдовского плена и шепотного наговора тростникового поля. Он стоял в жутком недоумении: «Сколько же он отсутствовал, месяц, другой или все пятьдесят лет?» Так и не решив этот вопрос, запутанный провалом в памяти, он раздумывал, не пойти ли ему на запад, домой, в город. И почему-то направился на север, к барачному городку, где в выстуженном доме маялась в безумии окаянная баба-яга. И чей-то странный шепот отдаленным эхом прошелестел: «Уж не поехать ли тебе на черное поле, к баркасу одинокому, чтобы посмотреть, не лежит ли тело по-прежнему на земле? Если оно там и лежит, тогда всё произошедшее окажется сном, но чьим?» Но было бы это слишком – оказаться одному в заснеженном поле в окружении запредельно сонных, черных тростников, таящих в своем молчании нечто такое, что человеческая душа не может вынести. И ты медленно повернул голову, словно отрывая щеку от мерзлого песка.

Джунагр двинулся на север. Еще час езды, и покажутся приземистые сопки, под которыми некогда были замаскированные военные склады, затем силосная башня, овраг с упрятанной волчьей ямой, а за ним, за пустырем начнутся ряды брошенных домов, и только потом строй бараков.

Джубаб томился, вздыхал, тяжела была ноша – душа человеческая, заряженная несметными снами, изнемогающая от груза одиночества. Но он двигался к заветной цели, потому что хотел кое-что понять. А ветер усиливался, гудел, завывал, расслаивался в ветвях и листьях, готовясь обратиться древней горловой песней. И тебе, вознесенному высоко, на седловину старого джубаба, казалось, что под кроной дерева мечется стая гиен, жаждущая мести, желая добраться до тела губителя. Угрозило же тебе оказаться в плену живого дерева, населенного призраками. Заполучив желанную добычу, теперь со всех ног мчался он в другую вселенную, ибо хотел кое-что понять. Ухали совы и филины, лаяли шакалы, закручивал рулады горлового, пещерного пения ветер, летели из прошлого капли горького дождя. Не было конца и края твоим снам, бегущим то ли вперед, то ли назад в одновременности вселенных, падающих в крошечную тьму черной дыры, безвременья океянного.

Были уже сумерки, когда ты подъехал к городку, вернее, к тому, что от него осталось. Как и предполагал ты некогда, зарос он молодым лесом, но почему-то мрачным и скорбно-темным, отрешенным от всего живого. Ты подъехал к флигелю, который служил когда-то жилищем для вас, горстки ребят. Удивительно, но всё выглядело так, будто вы только вчера покинули этот двор – всё выглядело совершенно нетронутым. Помнится, Кабанбай крепко-накрепко обмотал верх калитки толстой проволокой, прикрепляя его к столбу забора. Та самая проволока чернела на своем месте, выходит, не нашлось живой души за четверть века, которая осмелилась бы потревожить эту обитель? И ты обрадовался этому открытию. Но на душе кипела и осыпалась жгучими окалинами скорбь. Вот твой дом, и ты к нему вернулся. Совершенно один. Проволока легко сломалась. Калитку сдвинуть было трудно, ибо она обросла бурьяном и кустарником. Пришлось потрудиться ножом, выкашивая заросли. Но вот проход открыт. Вот двор – немой свидетель твоего детства. Будто забытый всеми старик бродяга, щерился он беззубым ртом прогнившего крыльца. Что он хотел сказать своему блудному сыну, вернувшемуся к отчему порогу? К отчему? Ты усмехнулся. Черный, ностальгический дождь моросил сквозь душу. Прикрыв калитку, привязав джунагра к забору, ты направился к двери дома. Обрадованное животное шумно захрустело листьями, обламывая ветки кустарника. Сумерки темным пологом затянули небо-свод, будто не желая, чтобы любопытные звезды заглядывали в тени этого сумрачного и горького вечера. Замок на двери отвалился неожиданно легко, будто вздохнув с облегчением: «Как же ты долго, старина! Ну наконец-то!» Ты шагнул и остановился на пороге. Как может быть такое: в комнате всё выглядело так, словно вы только вчера покинули этот дом. Быть может, только скопилась пыль на полу и мебели, и паутина зависла в углах. Вот большая печь с постоянно разинутым темным зевом. На чугунной плите по-прежнему стоит казанок. Уходя, Апке с сожалением погладила его. И казанок бережно хранил след этого движения, желая пронести его через вечность. Такая верность была достойна уважения, и ты потрогал посудину, освобождая ее от долга забытого постового. Вот просторная лежанка на печи – помнится, морозными зимними ночами на ней спали-дремали мальцы: Малыш утенок, Коян, Уку филин. Остальные ребята спали на кроватях. Вот и они – ваши железные

кровати, похожие на утлые лодки, плывущие через бесконечные сумеречные воды. Те же матрацы и солдатские одеяла на них, они аккуратно застелены, никто не пользовался ими. Только нужно выбить пыль, и они снова сгодятся для дела. Полумрак в комнате сгущался. Ты включил фонарик, осматривая помещение. Все вещи, даже ваши игрушки были на местах. На подоконнике чернела керосиновая лампа. Та самая, которую приходилось столько раз чистить, натирая жестяные бока посуды тряпичей. Уж не снится ли тебе всё это? Ты взял лампу и покачал ее – на дне плескалась какая-то жидкость. Керосин? Действительно, как ему испариться из закрытой емкости? Трясуцимися руками нащупал кремни, снял пузырь, подкрутил фитиль и чиркнул камнями. Раз, два. И, о чудо – старая лампа озарилась желтым, трепетным светом. Вот он – свет твоего детства, друг многих и многих заветных ночей. Ведь ты любил мечтать, глядя на ореол лампы. Желтый свет, ты вернулся из тьмы и отправил душу странствовать в прошлое!

Этот призрачный дом, плывущий сквозь душу под лай шакалов, уханье и оханье сов и филинов, мог сегодня убить тебя слишком большой порцией горечи. Нужно было что-то делать, чем-то заняться, будто ничего не произошло, словно ты никогда не покидал этот дом. Поэтому ты взял ведро, вышел во двор, проломился через заросли к колодцу. Сруб был на месте, цепь на воротах вроде бы держалась. Привязал ведро к цепи и набрал воду. Сначала напоил джунагра, потом набрал воды снова и занес домой, нашел тряпку и принялся вытирать пыль со всех поверхностей. Руки знали, что делать, где вытирать, они помнили уроки строгой Апке. Ведь раз в неделю она устраивала генеральную уборку, а трудиться приходилось вам, мальчишкам. Потом вынес во двор все матрацы, одеяла, подушки, тщательно выбил их. На заборе сидела насупленная неясность и недовольно наблюдала за тобой. Лазутчик врага? Уж не заявятся ли следом крысиные армады? После уборки стало легче на душе. Однако в воздухе пахло чем-то странным, будто жгли канифоль или развеяли тучу древней-древней моли. Что это такое? Ты подошел к книжным полкам. Книги были на месте. Но Шестого Реестра Малыша утенка здесь никогда не было. Это ты знал точно. Ты не стал трогать томики – вдруг они вспорхнут облаками несметного множества мотыльков, и тогда старые истории мугалима закружат вокруг, и от их наваждения нельзя будет спастись. Да, учитель! Ты подошел к перегородке, разделявшей помещение на две половинки, и заглянул за нее. Там когда-то была каморка Старого и вечно одинокого. Неужели он сидит там, на своем месте, строча пером по желтой и снулой бумаге? И его беспримерно-бредовая работа материализовалась не только сонмом вещей, которые приходилось постоянно убирать и уносить в склад, но и всеми событиями, которые закружили, завертели не только вас, но и всех людей этой вселенной? Нет, это уже слишком. Ты устал, ты осмотришь комнату Старого и вечно одинокого завтра утром. Тебе надо отдохнуть. Ты подошел к своей кровати. Пыль с нее была убрана, матрац, подушка и одеяла основательно выбиты. Раздевшись, сложив вещи на полу, ты лег в кровать. Пружины жалобно скрипнули. Они были смущены – на них легло тело не мальчишки, а сорокалетнего мужчины с отяжеленной душой. Чего-то тебе не хватало. Ты посмотрел на керосиновую лампу. Вместо нее на подоконнике сидела неясность и желтыми глазами смотрела на тебя, озаряя душу неземным светом. Надо ее прогнать и посмотреть, не лежит ли на соседней кровати Кабанбай. Ведь вы были друзьями, и ваши кровати были состыкованы. Но было уже поздно – джубаб, обвив тебя своими призрачными ветвями, оплетя листьями, со всех ног помчался в другую вселенную.

Внезапно ты проснулся, полежал немного, повернулся на бок и открыл глаза. Рядом с кроватью стоял необычайно бледный, худой подросток в белых одеждах. Он молча, внимательно глядел на тебя. Комната была залита зеленоватым, мерцающим светом, как бы проникающим сквозь предметы. Такой же свет переливался за окном. Отрок всё так же смотрел на тебя, и ты узнал этот взгляд. Это была самая глубокая, сокровенная память. И она будто бы тебе что-то шептала, словно этот взгляд всегда встречал тебя после каждой смерти, которых было несчетное множество даже на этой планете. В глубине души ты всё знал и понимал, поэтому встал и словно мгновенно оделся. Отрок взял тебя за руку, и вы вышли наружу. Идти было легко, будто невидимая сила пружинила в подошвах. Вы шли через городок, он был такой же, как и много лет назад, когда солдаты и офицеры покинули его. Даже чудилось, что далеко у горизонта пылят механизированные армейские колонны. Призрачный ветер прошлого нёс по улицам клубки скатанной бумаги, полиэтилена, обертки от лекарств. Ты начал узнавать забытые здания: вот дома офицеров, длинное здание госпиталя, двухэтажные кирпичные строения столовой, бани, прачечной, быткомбината. Белое платье подростка развевалось, дрожало, словно лист на ветру. Точно так же трепетало обметаемое порывами платье Апке, когда она поднималась по лесенке силосной башни. Вы тогда дружно взмолились: «Апке, куда ты? Апке, не уходи!»

Показались длинные бараки с распахнутыми дверями. Их оставили только час назад, поэтому дух спешного отъезда и разорения веял из проемов дверей, стружки и клочки бумаги реяли в воздухе. А там за силуэтами барраков мерещились фигурки детей, их было шесть, а какой-то старик нёс на руке плачущего младенца. Они торопились к оврагу, всё время оглядывались назад. Боль пронзила сердце, ты узнал их. Отрок снизу вверх глянул на тебя, успокаивая странной силой темных зрачков.

А когда ты шел по коридору приюта, время обратилось вспять, возвращая призраков к прежней деятельности. Шли врачи в белых халатах, торопились медсестры, в ординаторской кипела, булькала вода в ванночках для шприцев. О, эти шприцы, как вы их боялись! Вы шли медленно-медленно, утопая в волнах времени, проплывая сквозь силуэты прошлого. Палата № 5, № 6, № 7 – твое сердце гулко билось. Вот эту тусклую дверь ты ни с чем не спутаешь. Эта самая первая комната твоей жизни, которую ты запомнил, ибо в твою младенческую душу ворвалось отчаяние и первая боль. Она была неизмерима. Слезы струились по лицу. Ты уже всё понимал и знал, что произойдет. Спазмы сотрясали твои плечи. Лучше бы ты никогда сюда не приходил! Но дверь открылась как бы сама собой. Вы вошли в палату. Семь кроваток, в каждой какое-то тщедушное, скрюченное тельце. Врач в белом халате строго говорит маленькой, испуганной женщине, похожей на осеннюю сиротливую птицу – Серую сойку: «Вы понимаете, что делаете? Подписав эту бумагу, вы никогда больше не сможете вернуть ребенка. Вы хорошо всё обдумали?» Но женщина, похожая на сойку, нахохленную, просквоженную студеным дождем, ничего не отвечала. Она склонилась над столом и что-то сделала с листом, потом оглянулась на ближнюю кровать и закрыла лицо руками. И ты закричал, затрясся, прорываясь сквозь слои времени: «Мама, мамочка, не делай этого! Мама, не уходи!» Но призрак кинулся прочь и ветром пролетел мимо тебя, и ты узнал лицо, самой первой памятью этой жизни узнал глаза, горестно искаженные, с навсегда замерзшей тьмой. Как ты мог забыть это лицо, эти глаза? Как? Ведь они были для тебя первым солнцем мира, ведь они пели для тебя: «Альди-альди, бобегим». И ты гугукал, тянулся к ней, тянулся

к этим глазам, невероятно мягким рукам, пахнущим молоком. И связь между матерью и тобой, ребенком, была невыразимой и глубочайшей, не было в природе связи более сокровенной.

Серая сойка летела над пасмурным, уходящим в прошлое городком, и никак не могла пролететь всего-то пару верст. Отныне до конца жизни витать ей над этими строениями, особенно согбенным зданием приюта, и кликать, искать и горько звать тот несчастный день. Пытаться вернуть обратную окаянную минуту, когда рука потянулась и подписала ту самую проклятую бумагу. Но человеку не дано обратить вспять течение времени. И ты это хорошо понимал, глядя на отрока в белых одеждах, который то ли шел, то ли витал рядом с тобой. С отчаянным криком кружила сойка, вращались города и годы, за горизонтом поднимались до небес пыльные вихри и с громом опадали, сотрясая душу до основания. И когда вы дошли до оврага, где играли дети, прошло уже полжизни. Вы стояли у края оврага и смотрели на черную дыру, волчью нору, которую приютские дети облюбовали для игр. Ты хорошо знал, что хранится в недрах пещерки: несколько листов фанеры, пласти старого поролон, ящик с кусками сгнившего жмыха, кораблики, вырезанные из сосновой коры, осколки цветного стекла. И еще в углах затаились клочками тумана нечаянно залетевший бред лунатика Кояна. По ночам он убежал от мнимого филина, и нередко по утрам ребята отыскивали его в заветной пещерке. И глядя на него, дрожащего, серого, стучащего зубами, вы понимали, что так бывает, когда страх становится больше жизни.

А потом время опять пошло вспять, и вы оказались в углу базара на толкучке, где у туши закопанной в землю цистерны переминалась очередь с канистрами и бидонами в руках. Люди стояли за керосином. Они были спокойны, потому что пережили войну, и горючего было достаточно. Держава позаботилась об этом. Чего нельзя было сказать о хлебе и масле в магазинах. Через много лет ребята найдут эту самую цистерну и устроят праздник, потому что керосин на несколько лет решил проблемы с топливом.

Подросток вел тебя за руку, и ты просмотрел многие страницы книги своей жизни. Городок твоего детства был в основном накрыт свинцово-серыми, а то и промозгло-темными тучами. То были места, где таился страх, а то и ужас. Места, куда вы боялись заглядывать. Но были и озаренные края, также полянки, залитые мягким желтым светом. Это пятачок возле силосной башни, урочище с мусорными кучами, поля и колхозные фермы, куда вы ходили давать представление колхозникам, чтобы тайком воровать жмых. Отвесным потоком серебристого света сверху была явлена силосная башня. Она высилась, как Вавилонский столп, или как ракета, готовая стартовать в космос. Вы так и понимали суть башни. Апке и старшие подростки любили взбираться по лесенке на самый верх, чтобы обозреть озаренный мир. Апке поднималась первой. Малыш утенок, упрятанный в рюкзак, хныкал и канючил, ему было страшно. Но когда он оказывался наверху и Апке вытаскивала его из мешка, чтобы показать мир, он, бледный от волнения, с замирающим сердцем взирал на просторы, необозримо широкие, льющисся зеленью лесов и рощ, темными волнами и гребнями гор. Вы любили это место – до облаков вознесенную белую твердыню, ведь она открывала мир. И хотя просторы делали вас как бы меньше, вы понимали, что большой мир зовет вас, он стучится в ваши сердца.

Когда вы шли через городок к частным домам, дымом и пыльными вихрями промелькнули сцены войн с крысами. И только сейчас, ощущая в руке ладонь отрока, ты понял, кто такие крысы – это были мародеры времени, на-

стропаленные вояки из архаической истории, которые опоздали на встречу с настоящим. Однажды пролив невинную кровь, они потеряли возможность попасть в Настоящее. Все существа подобной судьбы имеют облик крыс.

Но вот и укромные застенчивые улочки с лавками у ворот, с зарослями пышного бурьяна под заборами. Заляпанные коровьими лепехами, музыкально озвучены они звоном молочных бидонов, мычанием коров, веселыми криками добродушных хозяек, то провожающих своих буренок на луга, то встречающих их обратно. В каждом дворе – колодезный сруб, сарай, лабаз, огород, небольшой сад с малиной и крыжовником, смородиной, ранетками и антоновками. Но что это? Старый и вечно одинокий, закутавшись в брезентовый плащ, нахлобучив на голову капюшон, спешил в сумерках к одному из домов. И опять отрок внимательно глянул на тебя, дескать, понимаешь ли то, что видишь. Но ты пока не понимал. Во дворе дома с большим тенистым садом учитель неожиданно исчез. А когда вы вошли во двор, то ты увидел Снежного воина. Он был еще рабом и не осознавал своей сущности Странника, воина. За здорово живешь вкалывал в огороде бабы-яги, воинственной горлопанки, покрываясь пылью и тленом, дряхлея, обрастая тиной и мхом, как золотый леший. Вы посмотрели ему в глаза, но призрак не узнал вас, в его глазах кишели времена и годы, клубились стаи мотыльков, а душа была захвачена в плен Ие растений. Вы следовали за ним, и увидели его борьбу, постепенное прозрение. Однажды он открыл истину: существование наркотического тайника окаянной бабы – ведьминской кладовки. А когда он осознал себя Странником, то обнаружил на чердаке старую библиотеку, куда неведомо каким образом попала книга с красной обложкой из будущего. На чердаке Странник многое понял, ибо стаи мотыльков, кружа буквами, поведали ему почти все истории всех времен. Почти. Спустившись с чердака, он вдруг увидел в углу коридора очертания люка, замаскированного домотканой дорожкой. Он едва удержался от соблазна тайком от бабы поднять люк. Даже нагнулся... И ты ахнул: в фигуре склонившегося мужчины ты узнал согбенный силуэт исчезнувшего Старого и вечно одинокого. Так вот в чем дело!..

Ты очнулся от этого сна. Оделся и вышел во двор. Джунагр был сыт и бодр. За ночь он основательно очистил двор от зарослей бурьяна и кустарников. Везде торчали голые прутья. Этот двор, хотя и был он сном джубаба, надо было привести в порядок. Некогда ты это сделал. Напившись колодезной воды и позавтракав остатком мяса, ты вытащил из сарая старую косу. Черенок подгнил, но еще годился для разовой работы. За несколько часов ты выкосил крапиву и репье, вырубил все кусты. Двор открылся в прежнем облике, даже очертания старых грядок проглянули сквозь дерн и наносы листьев. Может быть, удастся уговорить ребят и Апке вернуться домой? Смогут ли они вырваться из дыма и чада, в котором живут? Особенно Апке. Взяв косу, ты вышел со двора. Кое-где вились звериные тропы. Ты знал, куда идти.

Городок был захвачен сонным, дурманым лесом. И лишь одна только неясность кружила, маялась над крышами бараков и домов. Ни крыс, ни котов величиной с рысь, ни волкопсов, ни зайцев, а тем более хорьков и куниц, шерстистых ос и махаонов-бабочек не было видно. Куда подевалась живность? Сады превратились в рощи, кустарники – в подлесок, а околицы утонули в мрачной колоннаде сплошного леса. Как тебе вообще удалось найти затерянный городок? Лишь кое-где над чащей еще торчали трубы кочегарок и остовы почти проржавевших кранов. В этих колдовских дебрях еще виднелись ряды бараков и заплетенных плющом и хмелем домов. В сплошной бахrome вьон-

ков, плюща и хмеля тянулись заборы, заволоченные высоченными зарослями чертополоха. Там и сям в эту пестроту и разнообразие темными колоннами врезались заросли тростника и камыша. Еще несколько лет, и остатки городка навсегда уйдут в лесной тлен и забвение, и даже бред ночной неясности не покажет тропу в этот исчезнувший мир. Но каково было удивление, когда ты нашел дом чертовой бабы в сохранном виде. «Кто-то здесь живет и блюдет порядок и чистоту?» – подумал ты, оглядывая побеленный дом, чистые окна, прибранный двор, ухоженный сад. Но кто это делает, ведь ведьма ушла тогда вместе с вами и была с ребятами всё время до событий у туннеля. Кто мог остаться здесь и продолжать работу замордованного, заколдованного мужика? Что за чудеса? Во всём мертвом городке, похоже, только здесь теплится жизнь. Иначе чьи руки творили здесь порядок и чистоту, будто зная, что через годы объявится блудный сын – Тайбала, дальний барлуга? В великом удивлении ты заглянул в лабаз – там стояли ряды бочек, они были полны горячим. Обошел дом – мебель была на месте. В спальне бабы стояли две кровати, они были аккуратно застелены. На месте стоял дубовый шкаф, по-прежнему недовольный и хмурый, тоскующий о временах, когда его открывали и вытаскивали штаны-галифе, гимнастерку и френч с прикрепленными медалями и орденами, чтобы надеть всё это имперское великолепие и отправиться на демонстрацию, а потом вернуться домой, где уже приготовлено пышное застолье. Вот это да! На стене красовались те же портреты вождей, а они сами всё так же сурово и энергично взирали в пустоту, как бы вопрошая о священном и несбыточном. Но их лики были ясны, потому что тщательно протерты от пыли. Кто их вытирал, кто любовался этими ликами и для чего? На душе было тревожно, а на вопросы никакого ответа.

Ты вышел в коридор и, подумав минуту, приподнял люк. Из тьмы проступила железная лесенка. Вроде бы она была надежной. Включив фонарик, спустился в подвал. И тебе показалось, что ты попал в странный забытый сон. И это был сон Снежного воина. В подвале была ночь, в сизом полумраке мерцали звезды, черные травы мерно колыхались. Шуршали мыши, попискивали крысы, стрекотали кузнечики и сверчки. А в отдалении ухали и охали совы и филины. Здесь было безвременье, и оно обрекло на вечное движение по одним и тем же виткам чей-то мир, чьи-то грезы. Здесь были помещения какого-то дома, за окнами которого виднелся ночной городок. А за призрачными стеклами в отдалении светилась крыша вселенского райкомовского здания, озаренного полетом неясности. От крыльца этого дома вилась тропа к вселенскому зданию, и чья-то согбенная фигура кралась к фундаментальному парадному входу. Кто это? Соглядатай, сыщик или доносчик? Наваждение нижнего дома, утопающего в прошлом, было так сильно, что ты был близок к помутнению. Еще минута, и ты пойдешь по этой тропе. Но вернешься ли ты, и кем будешь на сей раз? Память – это поистине путь к спасению! Ты вошел в спальную комнату, открыл темно-коричневую тумбочку. Так и есть! На полочке лежала книга, обернутая в бархатную тряпицу. Ты нашел то, что нужно. Это и была Шестая книга Малыша утенка. Когда поднимался по лесенке, увидел, что за тобой увязался мотылек. Наверху, когда ты шел к бараку, вокруг тебя весело порхала, вилась бабочка-махаон. Но ты на нее не обращал внимания. Ну и что, бабочка...

Далеко за военными складами, у склонов восточных отрогов Волчьих гор ты остановил джунагра и оглянулся. И не поверил глазам. По склонам с разных сторон шли-брели к дороге три старика. Не может быть! Ты вытер

глаза платком, – не померещилось ли тебе? Фигуры исчезли. Привиделось черт знает что! Успокоенный, ты погнал джунагра на запад. Но через полчаса, не удержавшись, оглянулся и опять увидел три согбенные смутные фигуры. И еще бабочку-махаона, которая весело порхала в воздухе. Решив, что ты еще не проснулся окончательно, что в твоей голове еще витают остатки ночного сна, ты двинулся дальше и больше не оглядывался. Вернувшись через месяц в город Апке, ты увидел всё ту же бабочку. Она прижилась в твоём дворе, и ты несколько не удивлялся тому, что ночью неясить сидит на твоём заборе и клекочет какой-то бред.

Журавли и дервиш

Джубаб всю ночь ломился через апартаменты, поэтому зардар провел бессонную ночь. Под утро он провалился в какую-то сумятицу то ли сна, то ли бреда. И в этой смуте ему мерещилось, что он встал, накинул японский халат, в полумраке кое-как нашел туалетную комнату, принял душ. Причем ему мнилось, что идет муссонный дождь, а вдалеке над джунглями протяжно перекликаются ревуны, и заволоченные лесные урочища откликаются басовитым урчащим эхом. То ли во сне, то ли наяву правитель вернулся в спальню, лег на старый, согбенный диван, включил желтый, высохший от тоски торшер и открыл книгу Малыша утенка – Шестой Реестр. Наугад перевернул страницу и спросонок уставился с раздражением на текст. Вверху в середине листа корявым почерком было выведено: **Журавли и дервиш**. И то ли ты, то ли отдаленный шепот камня произнес с неудовольствием: «Ну и почерк, начеркал, словно курица лапой. Черт бы тебя побрал, писака окаянный!»

Воистину, небо волнуется, когда черные журавли летят в поднебесье, озаря синим зовом высокий купол и душу каждого человека, слышащего время. И немудрено, коке. Ведь черные журавли спали, дремали на кочках, тинах далекого, запредельного болота, что за горами, за снежными хребтами, и вообще, как думают, в другой вселенной. А может быть, птицы те не спали, не дремали, а лелеяли долгую думу обратной дороги домой? Но где наш дом? Где мы оставили и забыли его надолго, если даже человек-сурикат и призрачная собачонка под крыльцом кукурузного жилья не знают, куда делся Наш дом, канув в пучине несметного, пряного поля? Где же Наш дом, ушедший то ли на Восток, то ли на Запад, через кукурузные, подсолнуховые, гречишные и пшеничные поля прямо к солнцу, восстающему над миром, словно огненная птица Симург с размахистыми крыльями? Быть может, он ушел, думая о Майе, об ее танце – кружении на тычинках-пальчиках ног с запрокинутым, свирястющим ликом? Кто знает про это? Но только однажды потерянно-печальных журавлей осеняло нечто. Кто знает, что пронзало их смутные души, заплутавшие не в мире даже этом, а в дебрях бредовой неясности с желтыми снулыми глазами? Или они в запредельном своем ощущали, слышали и видели, как сонный, смутный старик, кормчий тростникового ковчега, сопровождаемый сонмом мотыльков, восставал из морока-беспамятства? Как картавый, кургузый старик с глазами багряными Последнего срока вставал, совал корявые ноги в дырявые ичиги, шел-брел по ночным улочкам на окраину призрачного города к берегу смутного озера? Мог ли старикан печальный, удрученный вечностью, не ведающий имени своего, узреть через города и годы хребты и горы, увидеть черную журавлиную стаю, восстающую из тьмы и тины болотной, томительной дремы? Как кружит она, разбросав крылья в стороны, бьет ногами, танцует и поет со свирястящими очами-зрачками, разбегается

как во сне и взлетает? Коке, может ли быть такое? В такое верится с трудом! Коке, когда корявый, сутулый старик, похожий на корягу, бредет, плетется по ночным улочкам дремного города, мотыльки, шерстистые, густопсовые реют, не жалеют, кружат и витают над бредом последнего старца багряного Срока. Шелковые мотыльки, бабочки-златоглазки веют тучами, шелестят, танцуют в ночном воздухе, опрокидывая пространство и время прозрачно-бирюзовыми крылышками, пролетают душу Старого и вечно одинокого с огненными глазами обещанного Срока. Быть может, не мотыльки, не бабочки-златоглазки, и не шерстистая моль, проевшая самое время, а мысли во плоти реют, не жалеют, кружат над кудлато-снежной головой Йэти тростникового поля? Мысли о каком-то старике, забредшем в гости к другу-чабану на кумыс? О неистовом солнце, восставшем над горизонтом, и кувырком летящей юрте? О тьме, о псице той, что нашла слепцов среди обгоревшего карагана и пепельного камыша? Воспоминания о долгом пути через гремящую пустыню, о горьком молоке безымянной волчицы? И о тьме странных, безначальных и бесконечных лет под баркасом, плывущим в запредельное среди волн и вихрей мотыльков, проедающих время и самое бремя?

Не только одинокий и горький старик с пожухлыми глазами-листьями осеннего Срока брёл, влачил к дальнему озеру, но и Апке неведомо как восставала из сна-бреда. Она разгоняла моли тучи, колдовала, обращала тараканов и термитов, пауков и скорпионов в бегство, и, идя через доли, города и годы изменялась, неумолимо обращаясь в королеву, Майю кургуров и утургуров окаянных. Проходили годы и годы, пока не открывался оком озера. Проходили вихри, дожди и метели, пока не восставали горькие черные воды из смуты последнего Срока. Проносились души и судьбы над водами Леты, пока не просыпались глубины и недра, затаившие одни только призраки и тени ушедших эпох. Коке, черное озеро то и тростники те трухлявые, с трещинами и расщелинами, через которые неустанно летали и веяли совы и филины, – разве не флейты и губы твои, изготовившие для песни мелодию последнюю, жгучую? Воистину, вздымаются горы, поднимаются и бегут на цыпочках через города и годы, когда черные журавли летят, курлычут, машут иссиня-бирюзовыми, пепельными крыльями и вынимают душу земли – матери родимой, Сойки окаянной, бегущей с горестными глазами, росинками, слезами. Коке, воистину те журавли машут, веют, черпают крыльями, вынимают Сойки лунной, матери обещанного Срока, по капле душу вынимают. «Мама, мамочка, не уходи!» – сказал ты и поднялся, восстал из ивовой колыбели той, плетения арматурного с колючей проволокой и полетел через бушующее поле. Коке, ты бежал и танцевал, а черные тростники те – флейты, свиристели Последнего срока бежали, витали, веяли во сне бабочки с глазами огненной неясности, испепеленной ожиданием вечным. Коке, ты танцевал и плясал на берегу озера беспечального, взвихренного волнами, пьяного и пряного, мечтающего быть только полем, пшеничным, шелковисто-желтым, заплутавшим среди жужжания и музыкального звона и жжения шмелей и пчелок-златоглазок. Коке плясал и пел, подняв руки-тростники, гудящие пещерную песню, горловую, обетованную, а горы бежали вдогонку за журавлиной стаей и курлыкали и плакали, порывались подняться в полет несметный среди неба, волн синих, прозрачных дев райского неба. Коке, ты плясал, кружил, запрокинув голову с свиристящими, забытыми, ленными глазами, а земное тебе и не снилось. Коке, когда черные тростники озера-златоглазки поют и пляшут, реют, не жалеют, кукурузные дебри реют, бушуют, не могут угнаться за мальцом, мечтающим быть только птицей, птахой белой, пушистой и невесомо-доброй, порхающей над лугом с

пьяными кобылицами Последнего срока, ласкающими губами молоко и мед стебельков и листьев обещанной любви. Коке, когда ты плясал и пел, истовые горы с мечтой о круге первом донесли, домчали черную стаю, истомившую их и вычерпавшую душу до капли последней той. И журавлиха первая, птица размашистая, нареченная Айей, осеня крыльями небо, пошла по кругу над озером пьяным, пенным, упоенным. Узрела на берегу среди кукурузных братьев и сестер забытого призрака, существо неуловимо-тонкое на долгих-долгих тростниках-ножках незабвенного Маа, друга, канувшего когда-то среди полей пряных и пьяных, шатающихся от изобилия лет и злаков несметных. Он танцевал и кружился, клекотал и клекотал, кивал головкой с махровыми перьями-соцветьями, хохолками белыми, седыми космами. Не так уж важно, что выглядел он стариком-корягой, имел облик вечернего демона – Йэти заблудшего, древнего с глазами жгучими, пустыми, лунно-желтыми, сквозь которые летали и веяли совы и филины. Всегда был он в душе Маа, то есть фламिंगо в прошлом воплощении, журавль реликтовый, черный, последнего, завершающего срока. Коке, Айя видела это и курлыкала, пела, обещала, не жалела, стрелой летела, вращая города и годы, сердца незабвенных, кукурузных мальчиков и девочек. Коке, узрел ли ты встречу Маа и Айи на берегу поющего и пляшущего озера в толпе кукурузных мальчиков и девочек, тростников черных, поющих пещерную песню разверстыми устами – расщелинами, испещренными и изъеденными молью? Как поверить нам в это? Стал бы иначе танцевать и плясать старик окаянный, корявый и картавый, древний, осыпающийся мотыльками и бабочками? Стал бы вздымать он руки, длани тонкие-тонкие, призрачные и качать ими, шатать города и годы, сметая звезды несметные, жгучие, летящие сквозь безвременье?

Коке, шептал он имя твое из странных звуков, вихрей даже не этого мира, самумов запредельной пустыни, несущих грозу и молнии, поступь перемен необратимых, торнадо истовое, вращающее эпохи, и танцевал, плясал, переступая ножками тонкими-тонкими, ускользящими, призрачными Бодоне Последнего срока, бегущими краем поля. Он танцевал и плакал, и кружился, распустив крылья неясности пустынной, махровой. Айя же витала в круге первом и глазами лунными, потерянными клубилась, росла в душе незабвенного Маа, обретенного вновь в груди, сердечном плексусе матерого старика, кургузого бобыля, утопающего и топающего, пляшущего вприсядку на песке, на кромке снулого озера. Апке же в шелках, муслинах брела и бредила призраком в отдалении, не веря глазам своим, взирала на пляс-перепляс старика – муслима с журавлихой той, с курлыканием и клекотом во имя единого бога. Так бывало, случалось в последние весны, и каждый раз Апке не верила, сомневалась сильно. Но как же иначе привыкать не доверять бытию, шепчущему веянием сырым бессонного ночного Банзая?

Ты дочитал главу и с досадой бросил книгу на циновку, изъеденную муравьями и термитами, и сказал голосом зардара: «Что за ерунда такая? Как можно наплести такое?» Но ведь надо было отыскать код, то самое заветное слово. А ведь оно как будто промелькнуло в этой треклятой главе, где описывался танец кургузого старика и журавлихи. И ведь именно ты приказал следить неусыпно за дервишем. Ты вызвал полковника, главу тайной службы. Тот явился незамедлительно, хотя было уже вчерашнее утро.

Ты спросил, не отрывая глаз от глянцевого, начищенного сапог служивого:

– Действительно дервиш танцевал с журавлями?

– Точно так, ваше превосходительство! – вытянулся во фронт офицер.

- Какое же это по счету преступление дервиша?
- Седьмое!
- Значит, скоро ждать нам восьмого?
- Оно уже случилось, ваше превосходительство!
- Как так? Уже?
- Вот докладная дежурного офицера, записано со слов пострадавшей – уличной бабы.
- Оставьте на столе, прочитаю на досуге.
- Так точно!

Офицер из обращенных кокборе, дочерна смуглый, верзила, заросший черным лоснящимся волосом, до странности был похож на огромного крысача с заостренной мордой и плотным рядом белых, острых зубов. Только хвоста между ног не хватало. Ты поежился, глянул на стопочку бумаг, лежавших на сверкающей плоскости стола. На подоконнике, мешая видеть панораму сферы, сидела большая серая неясить и пристально смотрела выжжено-желтыми, жгучими очами. И это видение было, скорее всего, осколком недавнего сна. Откуда взяты сове в покоях государя? Однако в этом дворце, окруженном огромными, необозримыми парками Апке, заселенными экзотическими животными и птицами, можно ожидать чего угодно. Ты нисколько не удивился бы, если бы на ночной прогулке из-за кустов на тебя прыгнул сам джугур, неопишимо свирепый и мощный хищник. В этих парках, похожих на леса, происходили непонятные вещи. Надо с этим разобраться. Тебе, конечно, по душе площади и плацы, разлинованные и расчерченные для парадов, гулкие, просторные, охлаждающие душу предстоящим восторгом. Не вырубить ли к черту все эти деревья?

Рука сама потянулась к бумагам. Ты взял первый лист и пробежал глазами строчки. Да, почерк у дежурного офицера был не лучше, чем как *кураца лапой* Малыша утенка.

Протокол допроса № 8

Протокол составлен 9 апреля 25 года новой джугарной эпохи. Была с пристрастием допрошена окаянная уличная баба, щекастая, задастая, толстая, разлохмаченная неряха, по виду самая настоящая албасты, к тому же донельзя перепуганная, и даже ошалелая. Сия баба, ввиду смурного, неприветливого настроения, ничего толком объяснить не могла. Она только охала и ахала, поправляла на себе разорванное платье неопределенного цвета, к тому же изъеденное термитами и муравьями. Спешу доложить, что допрашивать дюже расстроенную бабу было очень уж противно, ибо из зева треклятой ведьмы несло как из пивной бочки, меж желтых редких зубов старухи туда и сюда сновали, залетали и вылетали мухи и жуки. Видеть это было невыносимо, но сию бабу вынужден был выслушать, ибо она, ссылаясь на конституцию, международные пакты, требовала защитить ее гражданские права. То есть в своих правах она была еще как осведомлена и, стуча кулачищем по столу, требовала вызвать своего адвоката. Поэтому был составлен сей протокол и отправлен по служебным линиям.

Вопрос:

– Что случилось этим утром с вами? Поясните точно, без туманных выражений.

– Господин офицер, всё было нормально. Я шла себе, шла, такая обычная, немного сонная, быть может, клевала носом на ходу.

– Куда вы шли?

– Когда выходила из дому, помнила, что надо мне в лавку. Муж велел купить кое-что, то есть свечи для клизмы, курительные трубочки, спиночесалку, мухобойку, горячительное.

– Хорошо, не перечисляйте всего. И что случилось потом?

– Появилось стадо косматых буйволиц. Их, как всегда, гнал сосед. Я всегда ругаюсь с соседом, охламоном окаянным, когда гонит он буйволиц рядом со мной.

– Почему? Он нарушал общественный порядок?

– Нет, господин. Буйволиц у него много, и все они на одно лицо, мохнатые, шерстистые, пряно-пахучие, мерно жующие, сопящие и сонно-теплые. Они такие большие и мерные, что я обычно засыпаю рядом с ними, шагаю, тащусь, вздыхаю, шатаюсь, теряюсь. А когда прихожу в себя, – я уже на пастбище. А соседу хоть бы что, ему всё равно, лишь бы было стадо. Вот из-за этого я ругаюсь с ним, чтобы не гнал стадо рядом со мной. Но он всегда так делает. И я каждый раз опаздываю домой. Мой муж из-за этого сильно ругается и дерется.

– Ладно. Ближе к делу! Оставим стадо соседу. Что происходило дальше?

– Поругались мы с соседом, буйволицы ушли далеко. И тут показался этот безумец.

– Кто, поясните?

– Ну, этот старик – дервиш.

– Дальше!

– Он увидел меня и почему-то сильно обрадовался. Колченогий, неуклюжий, картавый черт рванул ко мне с такой прытью, что я испугалась. Буйволицы, лавка, муж – вся моя жизнь в один миг пролетела перед глазами.

– Почему так?

– Показалось мне, что безумец хочет напасть на меня. Не может же старик бегать с такой скоростью, ну прямо кургурский бегун. Я же сразу кинулась от него, чтобы затеряться, пропасть в стаде. Ведь стадо ленивых ленивых коров лучше, чем один безумный старик, летящий на тебя как вихрь из черных зарослей.

– Резонно! Продолжайте, гражданка.

– Бегу я, кричу: «Спасите!» А сосед, как назло, погоняет стадо, угоняет его дальше, мол, пропади ты пропадом в лапах дьявола. Не успела я опомниться, как оказалась в когтях чёрта – старика. Этот лешак схватил меня за щеки, они же у меня такие большие, и принялся дергать, мотать меня, как куклу. Я обмерла, так и осоловела, вишу у него в когтях и мотаюсь, как тряпка. А он орет на всю улицу: «А-а, вот ты где! Наконец-то нашел тебя! Как ты мог, старший офицер, штурман, загулять, забыть про вахту? Целую жизнь гулял в образе окаянной бабы, а про крейсер забыл? Как ты мог запомнить, что ты штурман космического корабля, старший офицер? Ну-ка марш в рубку – на вахту!» А я бормочу: «Какой корабль, какая рубка? Пусти меня, старик проклятый!» А он пуще прежнего орет благим матом: «Как какой корабль, такой-сякой, едрит твою туда и сюда? Галактический, конечно! Там, где рудник, на дне разлома! Ну-ка марш на место! Скоро нам взлетать, готовь курс домой!» И вдруг...

– Что вдруг?

– Господин, я же мотаюсь в его руках, как мяч, и в голове у меня болтанка. Неудивительно, что мне померещилось...

– Что померещилось?

– Господин офицер, в мгновение ока почудилось мне, что я кадровый офицер космических войск, штурман галактического корабля, что я только временно на этой планете в образе окаянной, забубенной бабы, зачуханной и забитой. Помню, даже пробормотала в помутнении: «Есть, господин адмирал!» А потом опомнилась и завизжала что есть силы. Прибежал муж, вырвал из лап лешего, надавал тумачков дервишу. А он танцует, как ни в чем не бывало, пляшет и кричит: «Корабль нашелся, штурман нашелся, найду и всю команду!» А я смотрю на него и ничего не пойму, где я, на какой планете, и кто я.

– Почему так?

– Потому что в голове сутолока, бред сплошной про бортовой компьютер, маршрут сквозь галактику, червячный проход, вакуумный двигатель. И как будто я всё это знаю, как какую кнопку нажимать. Бормочу что-то я, балаболю, а муж меня по затылку хрясть!

– Понятно почему, сильно забормотала, конечно.

– Наверное. Поэтому прошу защитить мои права добропорядочной домашней бабы, пусть сонной, но законопослушной.

– Хорошо, распишись вот здесь.

Эта служебная записка разозлила тебя сильно. Как так, подавать на стол правителю государства такую ересь, такую чушь? Куда смотрит аппарат? Надо навести порядок в канцелярии, надавать по шеям кое-кому. И вдруг ты замер, словно оглушенный ударом пустоты. В голове звенела тьма. И в это мгновение словно некий голос шепнул тебе: «Речь идет о руднике, о разломе, металлическом теле под дном выработки. Вспомни – боевая платформа империи накануне облетела рудник. Почему? Что они там нашли?» В голове стоял звон. Как это может быть связано – безумный дервиш, окаянная баба, металлическое тело на дне рудника, боевая платформа империи? Ты вышел на балкон дворца. Массивная туша великой Сферы сверкала и лучилась в лучах раннего солнца. Банзай, казалось, был явно удовлетворен чем-то и в то же время злорадно затаен в предвкушении чего-то необычного.

Малыш утенок и неправильная математика

С утра ты был сильно расстроен. Всё валилось из рук, ничего не хотелось делать. И было тому причиной плохое настроение Уку филина и Кояна. Твои друзья жили с тобой, главным архивариусом страны. Вам построили особый купольный дом, похожий на жилище хоббитов. Раньше здесь был порядочный холм. По приказу коменданта и по твоим чертежам холм был изрядно изрыт, продырявлен внутренними ходами, обустроен и превращен в главный архив страны. Дом тебе нравился, потому что в нем было всегда тепло и уютно. Подземные помещения уходили на несколько ярусов вглубь земли. К ним вели спиральные лестничные марши. Стены внутренних помещений, основных комнат, коридоров, кладовок и хранилищ были выложены обтесанным камнем. Толстые, в несколько метров, земляные стены дома-холма сохраняли не только постоянную температуру, но и особую, глубокую тишину. В такой тишине и говорить было приятно, хотя казалось порой, что стены, навострив слух, внимают тебе. Солнечный свет попадал в хранилище через окна, устроенные в стенах – склонах холма. Это были узкие проемы, но в них были встроены хитроумные системы зеркал, которые не только передавали свет в помещения, но и усиливали его. Так что в комнатах днем всегда было светло. В государственном архиве хранились указы, приказы, распоряжения высших

чиновников, донесения барлуг, рапорты нижних чиновников, протоколы советов, доклады генералов и старших офицеров, международная переписка, важные экономические документы, договоры и прочая документация. В особой замаскированной кладовке находились и все твои Реестры, в том числе и переписанный последний.

Ты слышал шепот камня, поэтому на душе было смутно, там набухали грозовые тучи, заряжаясь долгими дождями. А вообще-то причиной твоей хандры было хмурое, ненастное настроение друзей, Уку филина и Кояна. И тебе было понятно, почему так происходило. Они хотели домой – опять в Зону. Они никак не могли забыть рассказ Тайбалы про поход, особенно повлияло на них то, что дом их в полной сохранности, хотя был окружен настоящим лесом и сильно потрепан дождями и метелями. Помнится, они даже всплакнули, когда узнали, что их кровати стоят на месте, что они всё так же застелены серыми солдатскими одеялами, стоят смиренно и спокойно, словно дожидаясь возвращения хозяев. Они даже побледнели, когда узнали, что их любимые игрушки находятся на своих местах, что никто их не тронул, ни крысы, ни моль, ни муравьи, ни термиты. Коян даже прошептал: «Какая верность с их стороны! Чего не скажешь о нас». С тех пор их любимыми занятием стало чтение Реестра, особенно той главы, где говорилось о возвращении Тайбалы. Да, твои друзья болели самой настоящей ностальгией. И это было серьезно. Однако ты понимал, что настоящая причина их хандры коренится в другом. Дело в том, что Коян и Уку филин дряхлели, старились с каждым днем. Это было поразительно, но с годами брала верх в них темная, природная сторона, поэтому Уку филин быстро превращался в седого, косматого лесного филина, а Коян – в кургузого, неуклюжего зайца, спотыкающегося на каждом шагу. И ничто не могло помешать этому превращению в птицу и зверя. Но ведь известно, что звери и птицы, завершающие жизненный цикл, возвращаются на родину. Это извечные законы природы. Коян и Уку филин уже слышали зов далекой родины, рассказ Тайбалы только разбередил их раны. Они были уже стариками, а ты – всё еще парнем, ведь ты был все-таки человеком, и жить тебе полагалось полный человеческий срок. К лицу ли старикам по-ребячьи веселиться по любому поводу и транжирить время? Напротив, они должны быть склонны к печали, раздумьям о прошлом, они должны хандрить, капризничать, жаловаться на боль в костях, всякие немочи. И это понятно: жизнь утомительна для них, ломота сквозняком гуляет в ветхих суставах, воспоминания роятся в мозгу, беспокойными призраками витая и рея в недрах памяти.

Коян и Уку филин были на государственном жаловании архивариусов, но с каждым днем им становилось всё труднее выполнять обычную работу. А должны были они проветривать и просушивать хранилище, переворачивать папки, убирать пыль с полок, протравливать мышь норы, ходы муравьев и термитов, тараканов. Они стоически сражались с молью и грибочками, запасаясь арсеналами ядов. Их жизнь была буквально горькой, потому что не только одежда и тело пропитались парами отравы, но и даже души. Спотыкаясь и неуклюже ковыляя, они бродили и бредили в извилистых коридорах госархива, капризничали и канючили, брюзжали как заправские старики, коими были на самом деле, и как во сне делали свою работу по уборке мха и пыли, праха и тлена, грибочков и паутины. С утра до позднего вечера слоняясь по коридорам и лестничным переходам хранилища, они превратились словно в тени, словно в призраков самих себя, и ничто не могло спасти их от увядания в тенетах скорби. Шепот времени осыпал их неумолимо из минуты в

минуту, сырость и тлен поселились в их душах, и они не были способны ни к чему, кроме горьких сетований, сожалений о родном доме в Зоне, где в бараке тонут в прошлом их верные кровати, застеленные серым, жухлым сукном. Их утлые челны, на которых с последним вздохом они могли бы отчалить от этого берега, пропитанного всеми горестями века. Бедные старики, они мечтали найти свои последние игрушки, оставленные на полу у стены возле кроватей, обрести их как заветных союзников и обнять их. Как это странно, быть детьми много лет и состариться внезапно в одночасье! «Скрипучие мои старики!» – иногда умилялся ты, осознавая, что ничем не можешь помочь им. Можно ли помочь кому-то в этом мире, где совы и филины витают и реют в червоточинах сердца, дервиши танцуют с черными журавлями, где шепот вечного Камня осыпает прахом и пеплом людские души?

И однажды, чтобы успокоить стариков, отвлечь их от скорбных мыслей, ты придумал кое-что.

Ты пригласил Уку филина и Кояна в свою комнату, усадил их в кресла, угостил кукурузным чаем и сказал несколько патетически:

– Все знают, что два плюс два равняется четыре. Но в том-то и беда, что все знают.

– Какая такая беда? – насторожились твои друзья. Они наслаждались чаем, утопая в уютных креслах, и им не хотелось никаких сложностей. Таковы все старики, но ты же был непоседливым юношей, хотя и ровесником старцам.

– Вся беда от правильной математики. Два плюс два равняется четыре – это правильная математика, и на ней строится вся человеческая индустрия, инженерия, военная технология. Автомат, базука, лук и стрела, пушка, ракета, лазер и абсолютное оружие – это то, что зиждется на правильной математике, то есть на расчетах.

– А-а-а! – успокоились старики, откинувшись в креслах. Всё же, помня прошлое, они не совсем доверяли тебе и косо поглядывали, ожидая подвоха.

– Таким образом, производство оружия и война, как мировое зло и правильная математика, тесным образом связаны.

– Ты хочешь сказать, что правильная математика и зло – это одно и то же?

– Что-то в этом роде, – прищурил глаза ты, наслаждаясь вечерним покоем, тишиной хранилища и ароматом малинового чая. – Нет, жизнь все-таки неплоха.

– Всем известно, что предметы, нужные людям, механизмы и машины, приборы и дома, в конце концов, лекарства – это результат правильной математики. Значит, она нужна, – возразил Уку филин. Дряхлость не мешала ему ясно мыслить, однако кое-чего он не знал.

– Для мирной и покойной жизни человеку нужно немного. Для этого существуют азы математики, а вот горы оружия ни к чему. Чтобы не было гор оружия, нужно придумать неправильную математику.

– Что? – одновременно вскинулись Уку филин и Коян.

– Да, именно. И такая математика существует. Ее некогда разработал наш учитель, Старый и вечно одинокий, и зашифровал кодами Реестра, – произнеся это, ты почувствовал, как насторожился Дом, как, наострив слух, пружинисто затаилась тишина, как одновременно включились все датчики – тайные устройства, внедренные во все щели хранилища по приказу зардара, а точнее – императора. Повелитель хотел знать, чем живет и дышит, о чем думает Малыш утенок, хранитель Реестров, знаток кодов. Это было нужно, чтобы добраться до главного секрета – заветного кода из четырех букв. И ты

злорадно подумал: «Пусть слышат и записывают каждое мое слово. Пришло время выпустить на волю дракона».

– Дело в том, что однажды наш учитель понял, что существует всего десять чисел, от нуля до десяти.

– Как так? – вскипятился Коян. – А двадцать, тридцать?

– Всего десять, – спокойно повторил ты. – А все, что далее, все эти двадцать и тридцать, до бесконечности – это же манипуляции с первой десяткой. Десятка – это матричное число.

В глазах Уку филина блеснула догадка.

– Резонно, – сказал он.

– Затем учитель понял, что есть только число девять.

– Девять? – с тревогой переспросил Коян.

– Да, девять. Дело в том, что ноль – это мистическое число, бесконечность внутри себя, символ свернутого всего. А десять – это бесконечность в процессе, пустота развернутая, тоже мистическое число. Если кто-то это понимает, он видит, что чисел всего девять.

Уку филин сверкнул настороженными зрачками. Коян же был в полной растерянности.

– Потом учитель понял, что существует только число три.

– Ну ты даешь! – запротестовал Коян.

– Ничего подобного! Сам подумай, ведь девять – это трижды три. Разве не так?

– Так, – сглотнул Коян. Он еще не понимал, к чему ты ведешь.

– Девять – это три раза по три. Это же просто. Значит, реально существует число три. Поэтому было сказано мудрецами древности: «Когда возникает три, появляется всё». Следовательно, надо разобраться, как появляется три и что это означает. Теперь разберемся с числом 3. 3 это $2 + 1$, правильно?

– Правильно.

– Ну, если это поняли, то тогда будет нетрудно и другое. 2 – это четное число. 1 – это нечетное число. 3 образуется прибавлением наименьшего четного числа 2 к наименьшему нечетному – 1 (единице).

– Ну и что? Это каждый дурак знает.

– Знает-то знает, но незнание лучше такого простого знания. Теперь вернемся к числу десять. Десять состоит из двух рядов чисел – четных и нечетных. Четные числа 2, 4, 6, 8, 10 – это числа, которые делятся на два. Нечетные числа 1, 3, 5, 7, 9 – они не делятся на два.

– Хм-хм-хм! – пренебрежительно хмыкнул Коян.

– Подумайте, почему нечетные числа не делятся на два?

Коян и Уку филин молчали в растерянности.

– Понимаю вас. Это непросто. Дело в том, что каждое нечетное число, кроме 1, получается прибавлением 1 к четному числу. Например, $2 + 1 = 3$. Значит, всё дело в единичке. А число 1 всегда есть скрытое 10.

– Как так? – подпрыгнул Уку филин. – Это каким таким макаром?..

Ты сделал паузу и глянул на друзей. В глазах обоих стариков тоскливой тьмой тлела то ли Истинная, то ли Ложная Пустота, и ты понял, что они ничего не поняли. Однако на них обижаться было нельзя, и у тебя была совсем другая цель. И она как будто была достигнута, потому что в воздухе пахло чем-то паленым. А это означало, что все подслушивающие устройства, а их были сотни, вмонтированные в стены, в потолки, в окна, в вентиляционные шахты, в мебель, работали на последнем издыхании.

– Малыш, а, Малыш, – сказал Уку филин, выглядевший сырым осенним стогом, изрытым ветром. – А на фига тебе все это? Как тебе могут пригодиться все эти ряды, рациональные и иррациональные числа?

– А вот для чего, – вдохновился ты. – Например...

Коян и Уку филин смотрели недоверчиво. И тогда ты сказал:

– Эти вычисления были применены для строительства крепостной стены, цитадели, большой Сферы, и все пропорции сошлись тютельница в тютельница.

– Да ну! – протянул Коян, и удивление засветилось в его глазах. – Вот тебе и неправильная математика. А ты говорил...

– Но я же еще не закончил, – быстро сказал ты. – Теперь переходим к алфавитам. В большинстве мировых алфавитов по 30 букв, то есть три раза по 10. Теперь шифруем таким способом. Первая буква А есть 01 или просто 1. Первая гласная есть нечетное число. Следовательно, все гласные будут обозначаться по порядку нечетными числами. Согласные же – четными. Так можно зашифровать любое слово, любое предложение, сочетая четные и нечетные числа. Только нужно знать хорошо принцип и алфавит данного народа.

– Этим способом зашифровано то самое слово из четырех букв? – вдруг спросил кто-то утробным голосом.

В воздухе уже стоял дым. Уку филин и Коян испуганно переглянулись. Дом же заметно преобразился. Чьи-то уши, словно бледные поганки, тянулись, вырастали из всех стен, а из темных углов мрачно светились чьи-то глаза. Дом оживал бесчисленными тенями. Но ты знал, что так произойдет, ведь за тобой следили всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Ты был спокоен. Дело было сделано: вирус небывалой сложности запущен в суперкомпьютеры обеих империй. Пусть теперь расхлебывают эту кашу!

Боря и Кабанбай

Три дня пролетели как одна минута. Дальний барлуга, видимо, уже изрядно углубился на территорию борисаров. Тумен Бори готовился к большому походу. Воины уже знали, что им предстоит передвигаться в основном по ночам. Они точили и чистили оружие, проверяли снаряжение, оснастку. Предупрежденные командирами, они надевали на копыта коней специальные войлочные чулки. Конница должна была продвигаться не только быстро, но и бесшумно. Боря рассчитывал, поддерживая постоянную связь с разведчиками, неожиданно для врага выйти на границу между землями борисаров и кургуров. Этот плацдарм был очень удобен для оперативных действий небольшими силами, так как представлял собой изрезанный длинными ущельями и каньонами протяженный горный массив. Большая многотысячная армия не сможет развернуться в боевые порядки в этих распадках и урочищах, сжатых склонами скалистых кряжей и утесов. Но один или два тумена, рассредоточенные на отряды, при умелом руководстве смогут эффективно действовать в таких условиях. К тому же за спиной туменов Бори и Кабанбая будут находиться дружественные курени борисаров. Они окажут поддержку припасами, а то и военными силами.

Боря и Кабанбай были опытными генералами, а их тумены – самыми отборными, проверенными во многих боях. В обоих туменах, кроме прочих войск, было еще по несколько сотен силачей-уланов, собранных в специальные отряды. Боря не помнит такого случая, когда враг выдержал бы сокрушительный удар корпуса богатырей, вооруженных длинными копья-

ми, облаченных в броню, восседающих на могучих конях, защищенных накладками и панцирями. Зардар бросал в битву могучую кавалерию только в критических случаях, когда нужен был решающий удар. Однако почему на этот раз в авангард армии послал он самые лучшие, резервные тумены? Этот вопрос мучил не только Боря. Вот почему глухой ночью в степи встретились два генерала. Оставив в сторонке телохранителей, они съехались в обширной черной тени джубаба.

Минуту-другую генералы молчали. Первым нарушил тишину Кабанбай. Поглаживая коня по гриве, он спросил спокойно:

– Ты думаешь о том же, что и я?

– Да, – ответил Боря, нисколько не удивляясь пронизательности Кабанбая. – Командующий не верит ни генералам кокборе, ни вождям борисаров. Это же ясно. Иначе он послал бы в разведку кого-нибудь из генералов кокборе. Нас же он знает хорошо, также уверен в выучке наших солдат. Он рассчитывает, что мы удачно начнем кампанию и затайем ее надолго. А этого времени хватит, чтобы присмотреться и увидеть, чего стоят генералы-туземцы и вожди борисаров. Ему нужно понять, как они поведут себя, не начнут ли они интриговать, вести двойную игру. В интригах наш вождь чувствует себя как рыба в воде.

– Да, – согласился Кабанбай. – Он не ахти какой стратег, но перетягивать канат, действовать исподтишка, подкупать, скручивать руки, в случае чего подослать убийц – в этом он великий мастер. Ему нужно, чтобы затеялась буча, притом надолго. Генеральное сражение с армиями Джурухи для него сейчас самоубийство, и он это знает.

– Тогда в чем смысл затеи провозглашения его каханом? – задумчиво спросил Боря.

– Это пробный шар в сторону борисаров, ведь их стотысячная конница чего-то стоит. Если затея удастся, и борисаров подкупит то, что их зять объявлен каханом, то быстро достигается самое главное – военная сила борисаров оказывается в руках зардара. Если это не сработает, то шар все же катится в сторону Джурухи. Тот должен среагировать. Если он разгневается, сочтя это вызовом, и бросит армии в поход, значит, он недалек умом и его можно разгромить. Если же Джуруха станет выжидать, то время сработает на зардара, и наши тумены успеют занять плацдарм. А мы, умело действуя, подарим ему еще несколько месяцев, которые ему нужны как воздух, как вода. За эти несколько месяцев Сфера будет полностью закончена, укреплены крепостные стены, собрана провизия, армия и народ кокборе стянуты к кратеру, мобилизованы все рабы. А самое главное: за это время полностью разберутся с борисарами, для этого существуют их родичи – кокборе.

– Если я правильно понял это, командующий не прочь пожертвовать нашими туменами? – хрипло спросил Боря.

– Кажется, да. Здесь есть расчет. Лучшие воины кокборе в наших легах. Племена кокборе не хотят терять своих сыновей. Они надавят на борисаров, угрожая разрывом родственных отношений, даже ритуальным проклятием. Они заставят их выступить. Таким образом, как только мы окажемся на границе, зардар прикажет нам действовать. И чем более тяжелая ситуация сложится для нас, тем выгодней для него. Он получит право давить на борисаров, упрекать их, а то и угрожать им. К тому же будет он уже каханом. Задумано все хитро и с толком, – задумчиво говорил Кабанбай. Игреновый конь под ним нервно переступал ногами, теребил копытами землю.

– Что ты думаешь о Джурухе? – спросил Боря.

– Темная лошадка. Однако лучше переоценить его, чем недооценить, – ответил Кабанбай. – Видно, что он не только великий воин, но и толковый стратег. Уверен, что придется нам несладко. Надо думать, крепко думать.

– Да, это конечно не Рыжик с Зоны, – согласился Боря. Вдруг он спросил с неожиданно задушевной интонацией: – А тебе никогда не хотелось домой?

– Куда домой? – удивленно переспросил Кабанбай. – Где наш дом?

– Когда-то ты не хотел покидать его, – тихо сказал Боря.

– А-а-а, вот о чем ты, – протянул Кабанбай и замолчал.

Оба генерала некоторое время безмолвствовали. Кони дружно хрустели травой, срывая ее пучками. Высоко в небе над джубабом сияли звезды другой галактики. Свет звезд колол в глаза и казался почему-то жутковатым...

Боря на своем сильном жеребце наметом поднялся на холм и остановился. Внизу двигался его тумен, сотня за сотней, лег за легом. В темноте войско казалось черной лавой, заполнившей обширную лощину. Воины были хорошо обучены, оружие, сбруя обмотаны мягким тряпьем, всадники ехали молча, и только фыркание коней и глухой топот копыт говорили о живой массе, текущей под покровом звездной тьмы. Тумен будет идти до утра и с рассветом остановится на отдых. Вроде бы секретность начала компании соблюдается по всем правилам военного времени. Тем не менее Боря был уверен, что Джуруха и его штаб уже знают о выдвигании войск кокборе. По соседним лощинам скрытно пробираются одинокие всадники в одежде пастухов, на вершинах отдаленных холмов затаились наблюдатели, дервиши в пещерах и расщелинах отвязывают высоких, поджарых гончих псов, и те рвутся в бег. Они, как черные, гибкие молнии, будут мчаться среди высоких трав дни напролет, и не успеют первые ряды тумена ступить на земли борисаров, как Джуруха будет уже всё знать. Через три дня сюда придет тумен Кабанбая, его леги потекут по этим лощинам и урочищам, а внимательные, зоркие глаза со склонов будут неотрывно следить за каждым шагом и этого войска. Послать джасаков, чтобы прочесать все окрестности, выловить вражеских агентов? Но что это даст? Ведь у Джурухи есть свои люди в городе кокборе, скорее всего, они есть даже среди аругов первого круга. Что делать, что предпринять, чтобы обмануть искусенного воителя Джуруху? Каким бы искусным военачальником он не был, Джуруха все-таки человек железного века. А за плечами Бори опыт войны человечества за несколько тысячелетий. Значит, это будет война эпох.

Тумен безостановочно рысил до самого утра. С первыми проблесками зари войско остановилось на отдых. Телохранители тотчас принялись ставить походный шатер для Бори. Как только он спешился, денщик увел гнедого, чтобы расседлать жеребца. Боря огляделся. Урочище было протяженным, склоны ближних холмов были заволочены сизым туманом, среди куп кустарника что-то мелькало, то выныривая из клубов дымки, то пропадая вновь. Боря насторожился. Через пару минут из зарослей выскочил рослый черный пес, стремительный, как джупард. Он несся как темный вихрь, с невероятной ловкостью петляя среди встречных кустов и валунов. Телохранители вскинули луки, целясь, но Боря успокоил их жестом. Мускулистый и худощавый, жилистый, будто сплетенный из стальной проволоки, пес вылетел из кустов и в два прыжка оказался у ног Бори. И только тогда он заскулил, закулил, обнюхивая ноги хозяина, то и дело порываясь вскочить и по-

ложить лапы на плечи человека. Боря ощупал ошейник, нашел углубление и вытащил оттуда клочок бумаги. Приказав денщику накормить борзого, он зашел в шатер.

Это было донесение дальнего барлуги, засланного в курени борисаров несколько месяцев назад. Разведчик корявой, но разборчивой шифровкой доносил, что в стане борисаров началось волнение. И оно вызвано тем, что из ставки Джурухи выдвинулись два тумена и в походном строе направились к землям борисаров. Борисары уже знают о предстоящем курултае, однако это их не впечатлило. Они, быть может, поражены или даже уstraшены последними победами Джурухи. Борисары граничат с воинственными кургурами и утургурами, и их победоносное двухсоттысячное войско, отмобилизованное, готовое к нашествию, для борисаров фактор более серьезный, чем непонятный курултай далекого правителя. Разведчик советовал не мешкать с продвижением на земли борисаров, иначе отпадения нескольких родов не избежать.

Из донесения Боря понял одно: Джуруха уже знает о выступлении туменов кокборе и начал действовать на опережение. Следовательно, скрытность марша теперь ни к чему. Всё решает скорость. Подумав минуту, он вызвал адъютанта, приказал собрать командиров легов. Те явились незамедлительно. «Седлать коней, джасаков послать в арьергард и скорым маршем вперед!» – коротко скомандовал Боря. Сам тут же написал шифрованное письмо, подозвал пса, вложил бумагу в кармашек ошейника, шепнул в ухо борзого имя Кабанбая. Пса уже успели накормить, он облизал руки Бори, заскулил и ринулся в свой стремительный бег, похожий на полет черной верткой молнии. Через минуту его уже не было видно.

Борзой пес мчался среди кустов, лавируя меж деревьев и валунов. Запалено дыша, он будет бежать день, два, пока не найдет Кабанбая. Его не оставит. Таковы эти гончие псы, самые верные создания из тварей джугарной природы. Они даже лучше многих людей.

Солдаты безропотно сели на лошадей, и конница тронулась в путь. Через час аллюр усилился, и боевые кони, храпя, сильно выбрасывая ноги, в грохочущем галопе понесли лавой по дну лощины. Это были в основном черные и гнедые жеребцы, упитанные и выхоленные, откормленные на лучших лугах. Они чуяли битву, они летели навстречу яростной буре. Эта неудержимая скачка зажигала их души темным огнем; скашивая багрово налитые глаза, мотая мордами, они неслись в гулкой скачке и были готовы в пенном запале, в дыму ревнивого бега влететь в горнило самой смерти.

За всадниками мчались табуны заводных коней, погоняемые слугами. На многие километры растянулась эта громовая лавина, захлестнувшая обширную лощину.

Старик огня

Вязанка дров давно натерла спину, но ты продолжал бежать и бежать. Глядя на тебя, кургузого старика, упорного и гневного в работе, кто мог бы сказать, что тебе сто или даже тысячу лет, что ты древнее этого мира? Вряд ли такое пришло бы кому-нибудь в голову. Тебя прозвали Стариком огня, и, наверное, не зря. Однако, выбрасывая в беге натруженные ноги, запалено дыша, как борзой пес в погоне, всё же подумывал ненароком, что ты – всё тот же Жан, поспевающий за хозяином. Ничего не случилось с этим миром, не было этих невероятных пятидесяти лет, за которые успел заблудиться в мороке не только ты, но и все люди большого мира. Просто каким-то образом

ты заснул на бегу, и в смуте этого сна померещилось тебе неведь что, нечто такое, чего не перескажешь, истории, темные и ужасные, больше похожие на кишащие огоньки в глазах джугура, рыкающего на весь мир, печально обремененный вечностью. Но шепот великого Камня неумолимо осыпает тебя, а Уку филин и Коян ветшают с каждой минутой, превращаясь в сову и зайца, поэтому ты бежишь, выписываешь ногами, как курица лапой, потому что надеешься успеть, опередить соприкосновение Истинной и Ложной Пустоты. И никто на всем белом свете не поймет, не узнает, конечно, почему каждый вечер перед красным закатом согбенный старик с вязанкой желтых дров на спине бежит себе, поспешает, всю машет ногами, уменьшаясь и утончаясь до состояния тени под склонами чудовищной сферы. То ли существовала на то воля шепчущего Камня или прихоть дров, ухитрившихся одурачить древнего человека, или безумие тени, возобладавшей над хозяином, тем не менее каждый вечер старое тщедушное тело, вытербленное муравьями и термитами, изъеденное временем до основания, как по расписанию возникало под боками сферы и прожигало площадь жаром бега. И, ухая и ахая на каждом шагу, причитая по поводу судьбы брэнной и прихотливой, ты мчался по плацу, кивал мокрой головой, роняя пот на горячие камни. И мерещились тебе раскаленная пустыня и тонкий плач горькой волчицы, одинокой и снулой, ищущей, кого бы напоить своим молоком, полынным, горьким, насыщенным солью всего мира. И чем больше становился исполинский Банзай, вырастая над миром, словно живот Малыша утенка, предощущая близкую победу, тем упорнее таскал ты дрова к подножию гранитной Сферы. А рабы и мастера, массирующие с лесов пузо каменному исполину, издевательски кричали и гримасничали, надсмехаясь над тобой, словно какие-нибудь джубезьяны окаянные, висящие на ветвях и лианах гигантского баньяна. «Ужо вам!» – грозился ты, шептал и плакал, осыпаясь потом и молекулами пустоты, заряжаясь гневом невиданным и неслыханным, бежал и несся к помосту последней стражи. Джубезьяны эти, лемуры в человеческом облике, кургуры и утургуры проклятые, каждый вечер ломали помост твой заветный, охваченный призрачным огнем. Опасались они, что вознамерился ты сложить костер невиданный и запалить, зажечь их творение, идола невиданного, великана, шепчущего человеческой болью, кровью и потом. Поэтому, праведным пылая возмущением, издеваясь и гневаясь, они ломали, крушили твой помост, уносили по щепкам на огонек себе вечерний, для сугреву, чтобы не ломило кости от ночевки под склонами необъятного шара, источающего холод, стрелами морозными щекочущего кости. И видя твои старания новым вечером, нисколько не тронутые невиданным подвигом, стараниями древнего старца, источенного не только муравьями и термитами, но и тенями столетнего одиночества, они издевательски благодарили тебя и кричали с лестниц, клетей: «Почем, атай, дровишки?»

Так было несколько лет, записанных старательно, как курица лапой, корявой рукой, бегущей по желтой снулой бумаге. Бредам Малыша утенка окаянного, пишущего под диктовку призрака, Старого и вечно одинокого, заплутавшего в дебрях даже не этого мира, не было конца и края словесам хитрым, велико было сие обременение. И однажды, возмущенная разбоем рабов, однако не по причине сердечного сочувствия к доле безнадежной твоей, приказала Апке прекратить бесчинство. И с тех пор стал расти помост, увеличиваться старательно, копясь дровишками, ветками, сучками и деревом джугарным, собранным в степи великой. И каждая ветка, коряга, каждый обломок, найденные в пустыне и принесенные на помост, были

горнилом, облитым потом и кровью, заряженным бегом, стуком и топотом, криком великого плача и гнева.

Принеся дровишки к помосту, положив на назначенное место, увиденное во сне, ты садился на доски, скреживал ноги, складывал ладони в мудре молчания и погружался в безмолвие, бездонность немислимую, пучину, невыносимую для шепчущего, неустанного Камня. И с каждой минутой молчания, где не было еще Истинной пустоты, а качался лес гаснущих голосов, всё явственней становился шепот циклопической Сферы. И кто-то твоим голосом всё приговаривал и пришептывал: «Однако, как вырос, окаянный». Гремела песня рабов с высоты черного неба, сухо шелестел дождь осыпающейся щебенки, облепленный лесами и лестницами, сетями и клетями необозримый шар, старательно натираемый руками кургугов и утургугов, оживал с каждой минутой. Он как будто становился всё выше и объемней в размерах, хотя был без того неохватный и неоглядный, гранитный исполин, надменный и величавый. С каждой минутой очевидней звучал голос Банзая, вливаясь радостью деяния в души рабов и освещая их счастьем великого, небывалого свершения. «Ужо тебе!» – приговаривал кто-то твоим голосом, и в темноте грозил кулаком спесивому колоссу, плоду невиданной человеческой спеси и гордыни, явному идолу богопротивного культа, чья жрица шла сейчас через джугарные парки-дебри для магического обхождения под пение и пляски кургугов и утургугов. То была неохватная Сфера из гранита и базальта, обтесанных до совершенства, и в то же время монблан слепой гордыни, неумолимо растущей спеси, дерзкого вызова высокому небу.

Твое жилище было в глухом углу кварталов чеканщиков, жестянщиков и кузнецов, ты поселился под кроной большого дерева, старого и картавого ясеня, обжитого ворчливым вороньем, вечно недовольным переменами мира. Утром и вечером на город с гребней кратера налетал ветер, и тогда яшень принимался жаловаться на жизнь, на судьбу свою столпника древнего, обреченного томиться до скончания века в ожидании лучшего перерождения, опрометчиво взявшего на себя обет: стоять на одной ноге с поднятыми руками, и так до последнего Срока. Вот уже тысячу лет так стоял он, дремал, томился, изнывал от скуки и боли глухой в суставах, источенных временем, муравьями и термитами, жучками-древоточцами. Воронье же, рассевшееся на руках-ветвях древа, узловатых развилках, древнее, как и сам мир, уставший от обета столпника и ожидания обещанного Срока, как всегда, ругалось, бранилось пропитыми, хриплыми голосами. Гомонила и судачила же стая непоседливых товарок в основном о ценах на базаре, о налогах, растущих не по дням, а по часам, о бестолковых домуправах, о ржавых трубах, о чиновниках – ворах. Известно это всем: торговок хлебом не корми – дай только поговорить им – всё охают и обругают. Под этот хай-вай ты жил – не тужил, собирал птичий помет, горький, тленный, но почитаемый крестьянами как удобрение для делянок и грядок. Собирал сухие ветки, сбрасываемые ветром, таскал вязанки чеканщикам, мастерам-жестянщикам и кузнецам в обмен на хлеб и простоквашу, заварку чая. Жил ты в шалаше ветхом, но однажды собрались мастера и подняли из тростниковых мат трухлявое жилище. С тех пор покойно и уютно стало тебе спать и дремать ночами долгими под уханье и оханье сов и филинов, стенание древнего древа, проклинаящего обет свой нескончаемый и легкомыслие перед богом. Жизнь была сносной, и прежде, забытое про ковчег на краю поля, плен у матери-волчицы тебе и не снилось. Всё было бы ничего, квартал был шумный, но гул этот был мерный, обычный и привычный. Стучали молотками жестянщики, рассыпали металлическую

дробь чеканщики, выбивая узор по меди и бронзе, ухали кувалдами кузнецы, отбивая металл раскаленный, и стук этой ковки был даже люб тебе, ибо говорил о мире, о сотворении нужных, полезных изделий, инструментов, без которых невозможна жизнь человеческая.

Ближе к вечеру прилетала неясить большая, пушистоголовая, смурная, всклоченная ветрами века, садилась на ближнюю ветку, что над самым твоим жилищем. И ты садился на крыльце дома своего, размещал ноги в удобном скрещении, складывал руки в мудре покоя, принимался мерно дышать под шепот Камня, под удары кузнечных молотов, считающих стук сердца твоего. «Всё бренно, изменчиво и временно, истекает всё в пучину без остатка, ненадежно и неверно бытие», – шептал ты, угасая и уходя постепенно в пустоту, в молчание немыслимого покоя, когда нет верха, нет низа, нет середины, нет края, нет мысли, нет не мысли, нет чего-либо, нет и ничего. Дух медитации – филин осенний – пристально и придирчиво взирал на тебя, не верил, сомневаясь в Пустоте истинной твоей, ведь был он наставником совершенным, выдавшим всякое, такое и не такое. Ухал филин, отсчитывая вдохи и выдохи, соизмеряя молчание с пучиной небытия. Скрипел и скрежетал ясень, предчувствуя шквальный ветер, набег кургурского ветра с гребней кратера. Угасали в квартале мастеров-чеканщиков, кузнецов и жестянщиков удары по металлу, истлевали и утончались до состояния призраков, удел которых бродить всю ночь под шепот Банзая, ворчание и свару ветхого воронья. Мерно дышал ты и не надеялся, ибо достигает только тот, кто не имеет ни цели, ни надежды.

И тогда Зия, гибкая как ива, тонкая как лозинка, дева-туземка, закутанная в темные ткани, выполняя обет свой, выходила со двора, неся в руках чашу с крупой и молоком для старика огня. Когда ладная в стане, тонкая, как лоза, дева-туземка с очами берберской лани идет, плывет по улочкам, минуя тени, неся чашу для старика сурового безмолвия, вздымается ветер, налегает крылами темными. Закутанная в ткани пепельные дева скользит по-над вечером, ясень же старый в сожалении горьком стенает, скрежещет, роняет стоны, сетует на судьбу, на решение опрометчивое столпником одноногим стоять до скончания века. «Ужо тебе!» – грозит он и поднимает длани, обремененные вороньем суровым, непреклонным, и жалуется, и сетует, что не зигит он кургурский или утургурский. Шла Зия, скользила прихотливо, тонко, извивалась тропка под ступнями изящными, закутанными в туманы, в стыдливость и вечные страхи девичьи. Но ведь дева есть дух любопытства, которое сильнее всего, и украдкой бросала она взгляды очей иссиня-черных, кургурских зрачков, затаивших бездны и бездонные беды. О, атай суровый, затаивший вечность, мерно дышащий, со смеженными веками, шевелящий ветром, заплутавшим в дебрях морщин извилистых, подобных петлям времени! Тебе ли понять, уяснить однажды, почему жестянщиков и чеканщиков окаянных звучнее и ярче расцветает стук-перестук молотков и долот по меди и бронзе? Говорит ли о чем звон этот бронзовый и медный, пляшущий с кувшинами и чашами, бьющий неустанно, часто и яро в гуле и жужжании несметных журчалок и бражников над пьяными цветами и лилиями?

Ты утопал во тьме медитации запредельной, а старый источенный ясень бежал через пустыню, сквозь дебри лет неся, стеная, ахая и ухая голосами сов и филинов. Ты сидел в мудре бездонного молчания, и ты же бежал, летел, лопотал ногами-подошвами по плацу, неся на истертой спине вязанку желтых дров, оброненных ясенем и ветром в споре о вечности. Ты сидел в пучи-

не звенящего безмолвия, более глубокого, чем небытие, а тонкая кургурская фея веяла, сквозила над тенями старого города, усталого от шепота Камня, осыпающегося прахом и щебнем. Ты немел, истончался в небытии, в великом Ничто, не ведая о громе и грохоте металла кузнецов, чеканщиков и жестянщиков, а кургурская дева, клоня взглядом жгучим сферу, шла тропками-путями неуклонного обета. Сварливые вороны те, смурной, смутный ясень и смущенная неясуть свидетелями были ритуала немого, когда безмолвная дева шла кругом огня, старика, чье молчание было слышнее грома меди и бронзы мастеров – жестянщиков и чеканщиков, а также кузнецов раскаленного металла. «Атай, почем дровишки?» – кричали с выси рабы и мастера, издевались и ерничали джубезьяны окаянные, а тонкая-тонкая дева шла по кругу, кланялась, простиралась, ставила чашу у ног старика, чье молчание было как медленный гром, ленивый, ленный. Простиралась дева у ног огня, мастера же, чеканщики били медью и бронзой, колотили истово, стук сердца же был слышнее, ибо невыносимо порой уклонение очей бездонных, берберских, сияющих звездами мира иного. «Атай, почем дровишки?» – кричали, вопили, улюлюкали в ночи гиены треклятые, дева же стояла, слышала же грохот она дангылов кургурских, не звон и сияние бронзы и меди, а истовый стук-перестук бубнов утургурских. Атай, не вини ее, ибо была она танцовщицей, Сарасвасти лесов пушистых, бархатных чащ взглядов ланей джугарных, летящих в прыжках смертельных, в брызгах смолистых взглядов последнего Срока. Атай, ты сидел в могильном безмолвии, смежив веки морщинистые, пряные, осыпаясь душой под шепот Банзая, Зия же млела под грохот дангылов, бубнов меди и бронзы, под шелест ладоней по вытербленной жести. Склонив голову, смежив веки, меркла она в звуках мерных, трепетала, обмирала, истончалась до тени, и только вороны были свидетелями ее танца, стояния-веяния в воздухе. Атай же молчал, осыпался, изничтожался в ничто, Зия же клонила взглядом, маковым громом кургурский вечер треклятый, носочками-тычинками пальчиков трогала, вела вязь, витала. В воздухе, над землей веяла, реяла Зия, на взгляд же воронья сурового стояла она неподвижно, отнюдь не плясала. Но дерево-то знало, что вибрировала она всем существом, всеми клеточками тела. Несла ее в небытие, в истинное *Ничто* истовая, невероятная пляска эта. Одна только неясуть махровая, перистая, кишущая веками, знала наверняка, чья Тьма была истинной: молчания старика или трепетной пляски Зии, больше похожей на стояние столпника? Так было, так случалось погожими вечерами, когда старик сидел, погружаясь в шепот бега. В мгновение то молниеносным ожогом вечности озарялся осознанием ясень – судьбы вековой – стояния на одной ноге с воздетыми руками. И потому горько, молитвенно шептал, просил прощения у бога, желая родиться в цикле ином девой кургурской, тонкой-тонкой, с истовым танцем – стоянием-витанием в воздухе.

Продолжение в № 3, 2024.

